

Сын Солнца

18+

Хит Номад

Хит Номад
Сын Солнца

«Автор»

2019

Номад Х.

Сын Солнца / Х. Номад — «Автор», 2019

Марс и Земля, XXV век. На Марсе построены города и процветает цивилизация клонов и андроидов, где обычному человеку не нашлось места. На постапокалиптической Земле человечество разделилось на несколько кланов, которые вынуждены вести отчаянную борьбу за выживание. Объединяет две планеты то, что обе они находятся под властью древней инопланетной демонической расы. Инфернальная раса стремилась к этому господству много веков и сейчас ведёт свою войну во Вселенском масштабе, о которой не подозревают ни клоны Марса, ни обитатели Земли, ни даже серые карлики (высокотехнологичная инопланетная раса, прислуживающая демоническим силам). Главный герой книги безработный бродяга, который не может найти своего места в жизни. По нелепому стечению обстоятельств он оказывается затянутым в самую гущу борьбы воинов Света против сил Тьмы. Но в центре событий он оказался не по воле слепого случая. Наш герой является представителем древнейшего рода и во многом теперь от него зависит судьба всего мира.

© Номад Х., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1. Марс	5
Глава 1. Письмо из другого мира	5
Глава 2. В старом теле в новом мире	8
Глава 3. Побег с Земли	13
Глава 4. Экскурсия по красной планете. От животного до сверхчеловека	24
Глава 5. Воспоминания о бывшей любви	40
Глава 6. Обратная сторона Марса	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Хит Номад Сын Солнца

Часть 1. Марс

Глава 1. Письмо из другого мира

Я умер. Сегодня, вчера, а может быть завтра... Не могу сказать точно, когда это произошло, ведь там, где я сейчас нахожусь само понятие времени не имеет никакого смысла. Впрочем, и пространство воспринимается совсем по-другому. Я ощущаю и понимаю всей своей сущностью, что в нашей Вселенной гораздо больше безоговорочно принятых нашим разумом трёх измерений. Конечно же, я не смогу вам передать своё восприятие пространства и времени, да и вряд ли это покажется интересным. Скажу так, в своём нынешнем состоянии я способен находиться в любой точке всей своей жизни одновременно. Говорят, что перед смертью вся твоя жизнь пронесется перед глазами в один миг. В этот короткий миг ты находишься в каждом моменте своей прожитой жизни, но в то же время тебя там нет, ты нигде. Многие говорят об этом, но мало кто догадывается, что в этом миге можно найти целую вечность! Здесь ты можешь проживать каждое мгновение бесконечно. Правда, чтобы это понять, необходимо для начала перестать измерять события в часах, минутах и секундах. Время относительно, как говорят физики. Однако, рассуждая о времени, я в первую очередь вспоминаю не теорию относительности Эйнштейна, а Льюиса Кэрролла и его разрывающую мозг Алису. Помните, как Алиса с Болванщиком говорили о времени? Так вот я соглашусь со шляпником, с временем следует подружиться. Только тогда ты сможешь сосредоточиться на самом действии, а не на секундах, в рамки которых мы его заключили. Только так можно почувствовать бесконечность каждого мгновения, а именно столько оно и длится.

Бесконечность... То есть нет начала и нет конца. Вот только услышав слово «бесконечное» мы сразу же представляем себе что-то очень-очень большое, не имеющее границ. Но ведь это может быть и бесконечно малое. Причём то, что является бесконечно большим, в то же время и бесконечно малое. Зависит только от того, с какой стороны посмотреть. Примерно так обстоят дела и с пространственно-временным континуумом. Сейчас я ощущаю бесконечность пространства и времени так, словно я сам стал бесконечно большим и бесконечно малым одновременно.

Каждый из нас, наверно, хоть раз в жизни задавался вопросом, что же нас ждёт после смерти. Ни одно религиозное или философское учение не может себе позволить обойти этот вопрос стороной. Многие пытались найти ответ на этот вопрос, а многие даже уверены, что знают его. Так что же нас ждёт? Рай и ад? Перерождение? Или же наш путь на этом заканчивается обыкновенным разложением тела? Почему мы так одержимы вопросом что будет после смерти, но не задумываемся над тем что есть смерть? По мне, смерть эта та же жизнь, только в ином измерении. Просто ещё один способ воссоединиться со Вселенной. У тебя всего лишь приходит в негодность инструмент (твое тело) с помощью которого ты мог познавать этот конкретный мир. Хотел бы поделиться одной мыслью. Мне кажется, что мы исказили смысл выражения «нажитое добро», придав ему материальный смысл. А что если под словом «добро» в данном контексте изначально подразумевались не материальные блага, а жизненная энергия человека? Тот, у кого этой энергии мало, человек с маленькой душой, не способен покинуть пределы планеты и остаётся здесь же. Так он продолжает перерождаться на Земле, пока не скопит достаточное количество «добра». Ну или же это маленькое количество энергии уxo-

дит в сверхжаркие глубины планеты, чтобы матушка Земля впоследствии породила новую жизнь. Может быть так и появились страшилки про то что маленькие души грешников попадут под землю, где будут объяты пламенем геенны огненной. Ну а если же ты сумел достаточно «нажить добра» при своей жизни, стать человеком с великой душой, то сможешь покинуть пределы грешной планеты, обрести вечное блаженство на бескрайних просторах Вселенной. Ведь только задумайтесь над значением слова великодушный! И если не это высшая добродетель, то что же тогда?

Но суть ныне происходящего со мной заключается не в этом, ибо в данный момент гораздо интереснее другое. Как приходит осознание своей смерти? Как же я понял, что уже не являюсь частью вашего мира? Скажу вам честно, произошло это далеко не сразу. Я даже не заметил, как мой обычный сон превратился в вечный. Это действительно очень похоже на сон, только видишь бесконечное их множество сразу. И нет возможности проснуться. Поначалу это напоминало кошмар. Я блуждал между множеством миров и не мог остановиться и сосредоточиться на каком-либо из них. Как будто кто-то со скоростью молнии переключает каналы в вашем телевизоре в хаотичном порядке. И ты ничего не можешь с этим поделать. Не можешь угадать следующий канал или периодичность переключений, не можешь вспомнить предыдущий, не можешь даже вникнуть в суть происходящего на экране. И тем более не можешь выключить этот чёртов «ящик». Я думал лишь о том, чтобы как-то остановить это безумие и погрузиться в блаженный покой. Но ничего не менялось. Ужас и паника овладевали мной всё больше. А количество каналов всё увеличивалось, и скорость их переключений неизбежно нарастала. В определённый момент я понял тщетность своих бесчисленных попыток что-либо изменить. В этот момент мне просто стало всё безразлично. Смиренно приняв свою участь, я потерял страх и надежду вместе с ним. Полную отрешённость от всего почувствовал я. Тут я обрёл покой и словно луч света в бескрайней темноте космоса сначала тихо поплыл, а затем стремительно полетел. Я летел в никуда и меня это нисколько не беспокоило. Это своё состояние я бы назвал забытие или забвение, так как в тот момент я не смог бы вспомнить своего имени и даже кто я такой. Не то чтобы эти вопросы казались мне пустяковыми, просто они даже не приходили мне в голову. Мыслей не было вообще! Как-то давно я прочитал в какой-то полунаучной статейке, что в среднем у человека проносится три тысячи мыслей в одну минуту. А тут ноль мыслей в вечность! Ни одной мысли! Только вдумайтесь в это. Ни одной, даже самой крохотной мыслишки... Превратившись в сгусток энергии, я нёсся лучом, не чувствуя ничего. А ничего и не было вокруг, только музыка. Простая незамысловатая она монотонно играла во мне на протяжении всего моего пути. Даже если бы я обладал идеальным слухом, то всё равно никогда не смог бы передать вам эту музыку, но легко узнаю её, если вдруг услышу вновь. Я растворялся в бесконечной пустоте, пока лёгкая вибрация не нарушила ритм моей музыки. В голове появилась первая мысль: «Кто я?». Я снова почувствовал вибрацию и теперь интерпретировал её как некий голос извне. Возможно от того что я забыл абсолютно всё и моё сознание было подобно чистому листу бумаги, я никак не мог сформулировать слова. Да я и не пытался это сделать. Однако вопрос «кто я?» как-то сформировался в бессловесной форме и лишил меня блаженного покоя, которым я так наслаждался. Я снова и снова слышал этот «голос извне». Что-то мне подсказало, что нужно прислушаться к нему и я последовал этому совету. Тут я сумел разобрать лишь одно слово «Аркаим».

Я продолжал лететь, но теперь уже мысли одолевали меня, постепенно притормаживая мой полёт. Отождествив себя с летящим сгустком энергии, я решил, что нашёл ответ на вопрос «кто я?». Теперь оставалось понять, что такое Аркаим. После небольших сомнений, я решил, что Аркаим это я. Я летящий в темноте сгусток энергии, и я Аркаим. К такому выводу торопился я прийти, чтобы поскорее снова погрузиться в блаженное забвение. Я даже не мог понять, что такое Аркаим, но решил, что это буду я, а всё остальное просто не важно. Наконец, я снова начал впадать в беспамятство, как вдруг мой огненный шар вылетел из, казалось

бы, беспробудной темноты и лопнул как мыльный пузырь. Снова началось безумие с переключением каналов...

Но на этот раз я не испугался. Я был спокоен и ясно понимал, что Аркаим это действительно я и есть. Да, так меня звали при жизни. К своему великому удовольствию я обнаружил, что теперь могу задерживаться на некоторых «телеканалах», пусть и ненадолго. В этих мирах-телеканалах я узнал свои миры, а в «телевизоре» свою жизнь. А переключал каналы тоже я, просто делал это неосознанно. Теперь я мог остановиться на любом мгновении своей жизни, смотреть тот «канал», который захочу.

Сколько времени занял весь этот процесс я не возьмусь сказать даже приблизительно. Может всё это произошло меньше чем за секунду, а может прошло сотни лет, не знаю, да и не важно это для меня. Сейчас я вижу всю свою жизнь, все свои сны, мечты, фантазии... Я вижу всё, вплоть до мельчайших подробностей. Ощущаю всю палитру чувств за каждый свой поступок, за каждое сказанное слово, за каждую мысль. Я даже могу видеть альтернативные варианты своей жизни, что бы произошло поступи я иначе в каких-то ситуациях.

Я многое понял и осознал, получив возможность несколько раз подряд переосмыслить свою жизнь. Наверно, проживи я её ещё раз, то многое, если не всё, сделал бы точно так же. Я перестал сожалеть о некоторых своих неправильных поступках. Но смогу ли я сделать всё правильно, если у меня появится шанс начать новую жизнь?

Глава 2. В старом теле в новом мире

Торопливые шаги где-то вдалеке, приглушенные голоса людей... Я слышу, как они говорят о чём-то между собой, но не могу разобрать слов. Звуки еле доходят до меня, словно сквозь непреодолимую толщу воды. Надо прислушаться, понять о чём они говорят и разобраться кто они такие. Нет, ничего не разобрать, совершенно непонятные мне слова. А может это и вовсе не слова, может это и не люди совсем. Наверно я попал в загробный мир, а это ангелы, ну или демоны. Голоса стихли, лишь слабый редкий пищущий звук нарушает мою тишину. Снова шаги, они приближаются. Глаза! Нужно открыть глаза и оглядеться вокруг. Глаза!? Да, они самые! Я снова в теле, но почему-то не чувствую его.

Небольшое усилие воли и веки приоткрываются. Однако в тот же миг яркий свет электрических ламп заставляет меня зажмуриться. Чувствую, как увлажняются глаза и капельки, стекая по щекам, оставляют за собой мокрый след. Это слёзы! Я начинаю ощущать тело. Крохотной доли секунды оказалось вполне достаточно частичкам света, чтобы не только вызвать у меня слёзы, но и наполнить всего меня своей бесконечно мощной энергией. В какой-то момент мне даже показалось, что вот сейчас я смогу открыть глаза и полностью управлять телом, но вместо этого сознание вновь отключилось.

Не знаю сколько я проспал на этот раз, но очнувшись, ко мне, наконец, пришло чувство единства со своим телом. Даже более того, теперь я как обычный человек отождествлял себя со своим телом. Я попытался пошевелиться, но мне не удалось этого сделать. Зато моя попытка вызвала живой интерес у наблюдающих за мной. Я приоткрыл немного глаза и увидел склонившиеся надо мной несколько расплывчатых фигур, похожих на человеческие. Они что-то горячо обсуждали, хотя слов было совершенно не разобрать. Это больше напоминало хор квакающих лягушек, чем осмысленный разговор людей. Если вам приходилось жить вблизи водоёмов, то ночами вы могли слышать непрерывную квако-песню лягушачьего хора. Нечто подобное я слушал сейчас, только здесь квакающих голосов было гораздо меньше, всего пять или шесть. Собрав свои силы и волю воедино, мне удалось пошевелить губами и даже издать сдавленный звук. После чего я, тщательно стараясь над произношением каждого слова, сумел-таки тихим шёпотом выдать из себя:

– Где я? Кто вы такие?

«Кваканье» сразу же прекратилось. Я услышал звук приближающихся шагов и повернул голову в их сторону. Окружавшие меня расступились. Я до сих пор не понимал люди ли они. Ко мне уверенной твёрдой походкой приближался некто похожий на человека. Он что-то «квакнул» не громко, но властно и стоящие рядом со мной прикрыли мне глаза повязкой. В следующий миг я ощутил очень болезненный укол под левым ухом, словно оса ужалила. Властный голос продолжал «квакать», однако, после нескольких непонятных мне «ква-ква» я с изумлением для себя обнаружил, что начал понимать его речь.

– Ты понимаешь меня? Скажи что-нибудь. Ты понимаешь, что я говорю? – повторял он монотонно.

– Кажется, понимаю, – неуверенно ответил я лягушеезу, так как не был до конца уверен бред это или меня действительно мгновенно научили их языку.

– Вот и хорошо! Теперь мы сможем общаться с тобой, – заключил квакающий, словно установил медицинский диагноз.

– Кто вы? И где я нахожусь? – раз уж выяснилось, что мы теперь понимаем друг друга, я решил повторить мучающие меня вопросы.

– У меня к тебе вопросов будет не меньше, чем у тебя ко мне. Но поговорим мы позже, а сейчас попрошу тебя помолчать и сохранять спокойствие, пока мои коллеги будут работать над

тобой. Твоё тело долго находилось в статичном положении, поэтому нам потребуется некоторое время, чтобы восстановить его функции.

На этом главный лягушеязычный удалился, вместе с собой забрав и мою способность понимать их язык.

В течении последующих нескольких дней «квакушки», не зная усталости, трудились над моим телом. Несколько раз помещали меня в какой-то огромный аппарат, то ставили, то снимали длиннющие иглы и липкие присоски по всему телу, вводили инъекции. Меня даже кормили с ложечки каждой раз одной и той же безвкусной кашей. Хотя вполне допускаю, что на тот момент я просто не был способен различать вкусы. Надо отметить, что их труды были не напрасными, моё состояние стремительно улучшалось. Зрение полностью восстановилось, и я уже с нескрываемым любопытством мог наблюдать за всем происходящим. Теперь я видел, что «квакушки» на самом деле такие же люди как и я, по крайней мере так они выглядели внешне. Тут были и мужчины, и женщины, и всем им на вид можно было дать не более тридцати пяти лет. Мне показалось немного странным, что среди них нет ни стариков, ни очень молодых. За всё время моего лечения я насчитал более двух десятков лягушеязычных, которые поочерёдно работали надо мной. Все квакушки были одеты либо в голубое, либо в белое. Порой некоторые из них сочетали в своём наряде белое и голубое, но ни разу в их одеянии я не заметил других цветов. Я уже мог свободно говорить и прекрасно всё слышал, вот только никто не говорил со мной. Только между собой они переквакивались, а я их, естественно, не понимал. Я уже стал сомневаться был ли вообще у меня диалог с их представителем или же мне это просто причудилось. Много чего вокруг вызывало сомнения и кучу вопросов. Тем не менее я уже мог шевелить руками и ногами, довольно быстро шёл на поправку и поэтому не терял надежды, что уже совсем скоро все секреты моего здесь пребывания раскроются.

Сегодня я, наконец, сумел самостоятельно подняться и сесть на своей койке. Ходить мне ещё не позволяли. Также без чьей-либо помощи мне удалось позавтракать. На завтрак, так же как и на обед и ужин, была всё та же безвкусная белая вязкая масса. Мне не хотелось уже есть её снова и снова, от одного только вида этой непонятной дряни меня чуть ли не выворачивало. Но квакушки в бело-голубых одеяниях были каждый раз очень настойчивыми и непреклонными, а мне каждый раз приходилось уступать им. Сразу же после завтрака ко мне подошёл мужчина, на первый взгляд ничем не отличающийся от всех остальных, но его походка и взгляд выдавали в нём лидера. Его ослепительно белая рубашка и голубые брюки хоть и не отличались по цвету своей оригинальностью на общем фоне, но выглядели идеально выглаженными и просто стерильно чистыми.

– Как себя чувствуешь? – спросил он уже знакомым властным голосом.

– Даже не знаю... У меня галлюцинации или я только Вас способен понимать? – как можно мягче спросил я, чтобы меня не приняли за умалишенного.

Конечно же, эта странная и непонятная ситуация слегка раздражала и выводила из себя. Но я сумел быстро подавить вспышку ярости внутри себя. Да, он так же квакал, как и все вокруг, но если он единственный с кем я могу объясняться, то совсем незачем с ним ссориться. А если это моя галлюцинация, то тем более не стоит быть в разладе со своим воображением, пусть даже и нездоровым. Странного гостя ничуть не смутил мой вопрос. Лёгкий, едва уловимый намёк на улыбку коснулся кончиков его губ. Он проворно схватил стул, который стоял на расстоянии вытянутой руки, поставил его поближе к моей койке и сел напротив меня, закинув ногу на ногу и скрестив пальцы на животе. Откинувшись на спинку стула, он устремил на меня свой суровый пронзительный взгляд. Однако, несмотря на всю его внешнюю твердость и суровость, он внушал доверие и показался мне весьма располагающим к себе человеком.

– Понимаю, – заговорил он после некоторой паузы, – У тебя сейчас должно быть много вопросов.

– Очень много, – перебил я его, желая поскорее приступить к расспросам, но он лишь слегка кивнул головой и продолжил говорить, я же решил больше не перебивать его.

– Не думаю, что смогу объяснить тебе всё вот так вот сразу. Но начнём с более понятных тебе вещей. Во-первых, я не галлюцинация. Должно быть, ты помнишь, как в предыдущую нашу встречу я вколол тебе кое-что?

Я инстинктивно схватился за левое ухо, вспомнив про случай о котором он вспомнил, и утвердительно кивнул пару раз головой.

– Это универсальный переводчик. Теперь ты можешь понимать все известные человечеству языки. Такой же переводчик сейчас у меня, – он повернул голову так, чтоб я смог увидеть его левое ухо, куда было вставлено что-то вроде микронаушника, – Поэтому я понимаю твою речь.

– А остальные?

– Мы уже давно не используем универсальный переводчик. Так как уже давно все говорят на едином языке, потребность в нём отпала. А ты не понимал речь остальных после нашей встречи потому, что твой переводчик был отключен мной.

– Значит, Вы можете включать и выключать его, когда вздумается? – спросил я, скривив губы, перспектива зависеть от чужой воли меня несколько не обрадовала.

– Верно! Но это не должно сейчас беспокоить тебя, ведь есть более волнующие моменты, не так ли?

Его спокойствие и желание помочь мне во всём разобраться склонили моё доверие в пользу лягушеязычного. Поэтому я недолго колеблясь решил поделиться с ним некоторыми своими мыслями.

– Вообще меня очень беспокоит где я нахожусь и что со мной произошло. Я умер или же заново родился? Если я переродился на нашей грешной земле, то почему я не младенец? А если я не Земле, то где я? Может это Ад или Рай? И кто вы все? Ангелы или же бесы? Возможно, ход моих мыслей может показаться абсурдным. Но меня настораживает ваша одинаковость. Среди вас нет стариков, все примерно одного возраста, роста, телосложения... Даже одежда! Вы в курсе вообще, что существуют и другие цвета кроме белого и голубого?

Мы уставились друг на друга, словно играя в «кто первый моргнёт». Но после непродолжительной паузы мой собеседник невозмутимо взял инициативу в свои руки.

– Трудно будет с тобой. Но я, впрочем, и не ожидал, что будет легко. Твои мысли не кажутся мне абсурдными, но они слишком сумбурны. Поэтому позволь мне конструировать наш диалог. Начнём! Меня зовут Лука. А тебя, если мы правильно всё поняли, Аркаим.

В ответ я лишь утвердительно кивнул головой. Он говорил чётко и уверенно, создавая впечатление умного и рассудительного человека. Несмотря на то, что мы находились в огромном помещении, где находилось множество всяческой аппаратуры и с десятков работников, Лука вёл себя так будто мы с ним сидим тет-а-тет у него в кабинете за чашечкой чая. Правда, никто из сотрудников нас ни разу не потревожил, все были поглощены своими делами.

– Да, ты родился заново. Думаю, вполне можно и так сказать. Но только родился в своём прежнем теле. Воскрес. А если говорить правильно, то мы нашли тебя, спасли и вернули к жизни. Правда ты не на Земле, но и не в Раю. Хотя ты, безусловно, побывал в каком-то ином измерении не доступном нам, поэтому не удивительны твои рассуждения об ангелах и бесах. Может ты даже встречался с другими существами... Ты можешь рассказать о том, что было? О других мирах и измерениях?

– Боюсь, что нет. Я и об этом мире-то ничего не знаю...

Естественно я солгал, и Лука это, несомненно, понял. Но иногда лучше промолчать, чем стать объектом всяческих исследований психотерапевтов или ещё кого-нибудь. Намного безопаснее казаться нормальным обычным дебилом, чем умным психом.

– Говорят, что сон это микросмерть. А ты, можно сказать без преувеличения, пережил макросон. Мне очень интересно узнать о твоих так скажем «снах» за триста лет спячки. Но, видимо, ты пока не готов ещё об этом говорить.

– Что за бред? Какие триста лет спячки?

Теперь он сбил меня с толку. Только я понадеялся получить ответы, как ещё больше запутался.

– Что ты помнишь про экспедицию на Марс?

Ещё один сбивающий с толку вопрос! Я всё помнил про экспедицию на Марс, но не знал, что ему можно рассказывать, я ведь даже понятия не имел с кем говорю.

– А что конкретно интересует? – я старался не подавать виду, что сбит с толку и говорил как можно увереннее.

– Перед полётом тебя и всю вашу группу поместили в криогенные камеры. Помнишь?

Лука продолжал говорить невозмутимо. Как будто он уже знает ответы на все свои вопросы, а я должен их лишь озвучить.

– Помню и что дальше?

– А дальше «Пилигрим-4» не долетев до Марса столкнулся с неизвестным космическим телом и был уничтожен. Я думаю причина в сбое приборов наведения, иначе такой корабль как «Пилигрим» легко ушёл бы от столкновения. Но не в этом суть. До сих пор считалось, что выживших просто не может быть, обломки корабля были найдены вблизи орбиты Марса. Как выяснилось теперь, кому-то из членов экипажа удалось в последний момент перед столкновением спасти пассажиров. Капсула с криогенными камерами была выброшена и каким-то образом достигла Фобоса, одного из спутников Марса. На орбите Фобоса нет искусственных спутников, а с Марса можно наблюдать лишь одну его сторону. Поэтому не удивительно, что капсулу с пассажирами не удалось тогда обнаружить, проще было предположить, что она тоже была уничтожена при столкновении. Но вот спустя 331 земных лет во время научно-исследовательских работ на Фобосе нашими учёными случайно была обнаружена капсула с криокамерами. По записям было 220 криокамер, мы нашли только 211. Большая часть камер пришла в непригодность, да и нам многих из оставшихся не удалось спасти. В итоге было спасено семь камер, но лишь четверо замороженных подавали надежды и были доставлены сюда. Одного мы потеряли уже на следующий день, и вас осталось трое. Но двое до сих пор не приходят в сознание, и нет оснований полагать, что с ними что-то получится. Так что ты наша единственная надежда.

Тут он замолчал и уставился на меня задумчивым глубоким взглядом. Казалось, сейчас он смотрит сквозь меня и видит где-то там свои мысли. Рассказ Луки поверг меня в шок. Всё это время я слушал его подобно первокурснику на своей первой лекции, который жадно внимает каждое слово умного красноречивого профессора. Но сейчас, когда он замолчал, я чувствовал, что должен что-то сказать, но мысли никак не обретали форму слов.

– Надежда на что? – наконец выдал я из себя.

– Видимо, на светлое будущее – Лука резко перевёл взгляд из ниоткуда на меня и как-то натужно и неестественно улыбнулся.

Почему-то в этот момент мне показалось, что его что-то очень беспокоит. На пару секунд он из чёрствого учёного, который оперирует только фактами, превратился в человека, который верит в чудеса. Пока этого не успели заметить другие, он поспешил вернуть себе лицо серьёзного делового человека и, встав со стула, продолжил говорить своим властным, но в то же время абсолютно спокойным голосом.

– Таким образом, теперь ты здесь. Не на Земле, не в раю и не в аду, а на Марсе. И мы не ангелы и не бесы, хотя и не совсем такие люди как ты. Мы менахели – высшая раса на Марсе. А ты... Ты родился, 331 год был мёртв... Удивительно! Уверен, ты нам поможешь, а сейчас восстанавливайся.

Лука неторопливо подошёл к группе учёных, которые стояли возле огромного монитора неподалёку от меня и что-то там внимательно наблюдали. Он дал им какие-то указания и покинул лабораторию. Да, теперь я понимал, что нахожусь в научно-медицинской лаборатории, а эти квакушки в бело-голубых костюмах – учёные. Лука назвал их менахели, а вовсе никакие там не квакушки, как я их про себя обозвал. Высшая раса на Марсе! Что за бред? Что он имел в виду? Или здесь у них рабовладельческий строй, а расизм воспринимается в порядке вещей? Разговор с Лукой разворошил мысли в моей голове, словно осиное гнездо. Но больше всего пугало другое. Какую помощь они от меня ожидают? Какую участь эта высшая марсианская раса уготовила мне?

Глава 3. Побег с Земли

Как я очутился на Марсе стало понятно. Теперь самое время поведать о том, как я, собственно, оказался в криогенной камере на борту космического корабля «Пилигрим-4».

В XXI веке техническое развитие человечества зашло в тупик, хоть никто этого и не признавал. Люди перестали мечтать о летающих автомобилях, покорении космоса, излечении всех болезней и прочем в подобном духе. Людей моего времени больше интересовали такие вещи как обмен смешными видео и картинками, кривляния на камеру, фотографирование еды и, конечно же, порно. Развитие технологий подразумевало выведение новых социальных сетей и мессенджеров, которых и так насчитывалось несметное количество, или добавление в уже существующие и хорошо раскрученные новых, в большинстве своём абсолютно бесполезных, функций и опций. Степень «развитости» индивида выражалась в количестве знакомых ему жанров порно, которых к тому времени существовало невероятное множество. По сути, всё развитие современных технологий было направлено для удовлетворения сексуальных утех, а фантазия изобретателей ограничивалась выведением новых секс-игрушек. С каждым годом всё больше разного рода извращений воспринимались общественностью как норма.

Однако именно в этот период сексуальной вседозволенности та часть человечества, которую помимо удовлетворения физиологических потребностей волновало что-то ещё, была охвачена ликованием. Началась колонизация космоса! Несколько поколений мечтало об этом событии, но вопреки всему именно наше поколение, которое уже и не помышляло о подобном, добилось этого. Не удивительно, что основная часть населения планеты Земля восприняло эту новость совершенно равнодушно, для многих это стало всего лишь поводом для очередных смешных картинок. Вот если бы тогда сообщили, что найден способ спариваться с инопланетными формами жизни или хотя бы что-то вроде секса в невесомости, то интереса было бы гораздо больше. А новость о колонизации космоса в нашем обществе могла восприниматься лишь как повод для глупых неуместных шуток, не более того. Но как из любого правила должны быть исключения, так и здесь энтузиастов оказалось тоже не мало. Находились люди по всему миру, которые стремились попасть в проект по освоению других земель. Марс считался целью номер один в этом списке новых пристанищ для человека. В скором времени «Пионеры» (такое название носили космические корабли этого проекта) доставили на красную планету первых колонистов.

День, когда очередной «Пионер» (не помню уже какой по счету) отправлялся с Земли стал судьбоносным в моей вполне посредственной и не богатой на громкие события жизни. Накануне вечером я зашёл в гипермаркет бытовой электроники, чтобы погреться. Даже несмотря на то, что на мне было термобельё и тёплая зимняя куртка, суровый крещенский мороз пробирал насквозь. Лицо и вовсе онемело от длительной прогулки, поэтому на вопрос продавца, я невнятно ответил, что не нуждаюсь в его консультации и с небольшим усилием растянул губы, изобразив на своём заледенелом лице неестественную улыбку. Совсем ещё юный, как мне показалось, продавец тут же примерил на себя заранее заготовленную дежурную «голливудскую» улыбку. Как будто их специально обучают улыбаться как куклы. Обменявшись элементами принуждённой вежливости, мы разошлись с ним в разные стороны. Я завернул в ряд с телевизорами и, убедившись, что остался один, растёр ладонями щёки, пытаясь их поскорее разогреть. Расстегнув куртку, чтобы лучше чувствовалось тепло, я стал неспешно бродить между рядами. В огромном магазине почти не было покупателей, и большая часть продавцов устало тянули последние минуты рабочего дня, лениво слоняясь по помещению и поглядывая на часы. Мне всегда нравилось просто гулять в магазинах электроники, рассматривая последние достижения инженерной мысли. Вот и сегодня я с удовольствием рассматривал новые модели компьютеров, смартфонов, акустических систем... Тут на меня ни с того ни

с сего напала тоска. В последнее время такое со мной случалось не редко, и конкретной причины этому не было. Просто пустота, которая за секунду заполняет тебя всего. Я постарался отвлечься от этого и заполнить внутреннюю пустоту информацией о новинках. На некоторых моделях техники я заострял своё внимание, но всё же в целом это была бесцельная прогулка, так как у меня не было ни денег, ни потребности что-либо приобрести, а времени полно. Я знал, что гипермаркет закрывается ровно в 22.00 и за пять минут до закрытия медленно побрёл к выходу. Уже у самых дверей я хорошенько застегнулся, натянул шапку потуже, затем накинул капюшон. Перчатки я где-то потерял ещё пару дней тому назад, поэтому просто поглубже засунул руки в карманы куртки и только после этого шагнул к двери. Стекло двери как по волшебству раздвинулось передо мной, и я шагнул в морозную ночь, ощущая себя так, будто выхожу в открытый космос. Не успел я очутиться на улице, словно поджидая у дверей, мороз тут же стал щипать меня за щеки и нос. Сделав пару шагов, я остановился и жадно вдохнул холодный свежий воздух и замер, прислушиваясь к ночной тишине. Такая тишина бывает только морозными зимними ночами, когда даже ветер не смеет подняться и нарушить это состояние безмятежного покоя. Изредка где-то вдалеке раздавались людские голоса, но тут же умолкали. Умиротворённый природным спокойствием, я, наконец, выдохнул, непроизвольно при этом пошатнувшись, и для сохранения равновесия сделал шаг назад. Снег приятно хрустнул под тяжестью моей ноги. Этот звук показался мне настолько приятным на слух и каким-то отчуждённым от городской суеты, что я решил ещё немного потоптаться на месте, вслушиваясь в хруст снега. До меня дошло, что это единственный шум, который нарушает безмолвное спокойствие январской ночи и тут же перестал топтать снег. Закрыв глаза, я стоял и наслаждался тишиной. Однако, когда ты живёшь в городе, долго слушать такую идиллию не приходится. Неподальёку уже слышалось гроыхание трамвая, а совсем рядом со мной пролетела машина, сотрясая воздух рёвом мотора, за ней сразу же ещё одна. Мне захотелось снова поймать это бесшумное состояние, и я несколько раз подряд глубоко вдохнул. Мириады микроскопических льдинок прорезали нос и горло при каждом вдохе, а при очередном выдохе я снова почувствовал пустоту внутри себя. Пока я пытался своеобразно медитировать, тело потихоньку стало ощущать мороз, и я решил задвигаться. Прогуляв так почти два часа, я уже заметно ощущал прикосновение январского воздуха. Лицо совсем окоченело, но я продолжал бесцельно идти в никуда. Своей прогулкой я пытался развеять тоску. Звуки города постепенно умолкали, и я надеялся, что безмолвие зимней ночи заполнит пустоту вокруг меня, а вместе с ней и внутри меня тоже. Уже за полночь я заметил круглосуточное кафе через дорогу и решил там погреться. Войдя в дверь, я словно шагнул в другой мир. Здесь было тепло и уютно, в воздухе витал аромат свежей выпечки. Пошарив по карманам, я соскрёб всю мелочь, что оставалась. В итоге мне хватило на чайник чая, что меня вполне устраивало. Пошевелив челюстью, я слегка размял окаменевший на морозе рот и подошёл к девушке у кассы.

– Чайник зелёного чая, пожалуйста, – как можно чётче проговорил я всё ещё с трудом шевеля онемевшими губами и высыпал перед ней горстку мелочи.

Молодая девушка приятной внешности сидела, уткнувшись в свой планшет, и смотрела какой-то молодёжный сериал. Не отрываясь от своего занятия, она украдкой взглянула на меня, соскребла со стола мелочь, быстро пересчитала и бросила её куда-то себе под стол.

– Чайник зелёного чая! – крикнула она, по-видимому, на кухню, при этом не прерывая просмотра, – Присаживайтесь где-нибудь, сейчас принесут, – добавила она уже мне, но глядя на неё со стороны можно было подумать, что она разговаривает со своим планшетом или с героями сериала оттуда.

Я снял шапку и куртку, удобно устроился на диванчике в дальнем углу заведения и потирал заледеневшие руки. Довольно скоро мне принесли горячий чай, я сразу же налил себе полную чашку. Горячий напиток обжигал язык и губы, с каждым глотком разливаясь приятным теплом внутри меня. Лишь после второй чашки я почувствовал, что согрелся полностью.

Пожалуй, впервые за сегодня. Удобный диванчик и согревающий чай расслабили меня. Я вытянул ноги под столом, блаженно потянулся и, запрокинув голову на спинку дивана, уставился в потолок. Глаза стали закрываться, и я начал погружаться в сон. Оно и не удивительно, ведь я уже недосыпал несколько дней подряд. Спать в кафе я, конечно же, не собирался, поэтому поспешил в туалет и умылся там ледяной водой. Сон отступил, но не окончательно, поэтому я решил немного постоять на улице. Морозная свежесть быстро привела меня в чувства, и сонливость покорно уступила место бодрости. Вернувшись в кафе, я попросил подлить кипятка в чайник и снова удобно устроился на своём месте. Жуткий мороз за окном и усталость в ногах убеждали меня оставаться в этом тёплом уютном заведении, и я решил, что посижу здесь до утра. Я вытащил из кармана джинсов свой старенький смартфон и окунулся в мусорную яму всемирной паутины. Через час или может более, меня снова стало клонить в сон. Нужно было что-то захватывающее, что не даст мне уснуть. И тут я вспомнил, что где-то неделю назад начал читать «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери, да так и не дочитал. Ридер в смартфоне по одному моему касанию открыл книгу на том самом месте где я остановился. Вот уж действительно кто не даст заснуть, уводя воображение в вымышленные миры, так это старый добрый Брэдбери.

Было около шести часов утра, когда я дочитал «Марсианские хроники». Чайник был давно уже пуст, и я решил покинуть своё ночное убежище. Сегодня я хотел навестить своего друга Михаила. Так как денег на проезд в общественном транспорте у меня не оставалось, я решил, что дойду пешком. Отсюда идти до его дома было не меньше двух часов. Как раз он проснётся к тому времени.

Утро было такое же морозное, поэтому на половине пути я зашёл погреться в одно из бесчисленных заведений быстрого питания, заполонивших все города современного мира. Как и в любое другое время суток, здесь было полно народу, что меня всегда немного удивляло, возможно, потому что сам я предпочитал не питаться фастфудом. Сидя в тепле, я написал Мише, что собираюсь к нему в гости, на что он коротко ответил «приходи». И я незамедлительно продолжил свой путь.

– О! Заходи давай! – Михаил как бы выразил восторг, увидев меня на пороге, но при этом на его уставшем лице не дрогнул ни один мускул.

Я поспешил войти внутрь. Миша запер дверь и только после этого пожал мне руку и легонько похлопал по спине.

– Доброе утро! – я не сдержался и расплылся в искренней улыбке.

Я действительно был очень рад его видеть, ведь это был, пожалуй, самый близкий мне человек во всём городе, а, следовательно, и во всём мире. Кроме того, я был убеждён, что и он всегда рад меня видеть.

– Раздевайся, проходи на кухню, я только завтрак приготовил, – удаляясь на кухню, сказал Миша.

По всей квартире распространился божественный аромат молочного улуна. Я резко снял ботинки, скинул куртку, повесил её на вешалку, попутно запихивая в карман шапку, и поспешил за ним на кухню. На столике в крохотной кухне, где едва могли бы уместиться разом четыре человека (ну только если очень потеснившись), уже стоял готовый завтрак. Михаил пожарил яичницу с помидорами, нарезал с десятков бутербродов с маслом и сыром и сейчас разливал по чашкам свежесваренный молочный улун. Миша был чайным гурманом, у него в закромах всегда можно было найти несколько сортов хорошего чая.

– Налетай! – предложил Михаил, приглашая жестом к столу.

Как и всегда он говорил спешно и эмоционально, хотя в его действиях я никогда не замечал спешки.

– Сейчас, только руки помою, – я быстро удалился в ванную комнату и, тщательно вымыв руки, присоединился к трапезе.

Миша уже вовсю уплетал яичницу и, уставившись в стену напротив, о чём-то размышлял. В таком положении особенно были заметны его худощавость и впалые глаза. Он словно завис, работали только руки и челюсть.

– О чём задумался? – спросил я его, отведав яичницы и бутербродов. Только сейчас я понял, что со вчерашнего дня ничего не ел и ужасно голоден.

– Да так, – отмахнулся Миша, словно вернувшись в наш мир из своего собственного, – Спать хочу, всю ночь за компом проторчал.

– Я тоже не спал, – пробормотал я, дожёвывая кусок во рту, – Вообще несколько дней уже недосыпаю.

– А чего ко мне не приходишь? Выспался бы нормально – смакуя чай, пробасил Михаил и добавил в своей спешной манере, – Если никуда не надо, то можешь выспаться, я тоже сейчас спать завалюсь.

Гортанный голос Михаила было приятно слушать. Если бы не его торопливая манера общения, мне кажется, он мог бы петь в каком-нибудь музыкальном коллективе что-нибудь в стиле хард или панк-рок. Я охотно принял предложение хозяина. Позавтракав, мы прибрали со стола, вымыли посуду и направились из кухни в комнату. В небольшой комнате из мебели было только самое необходимое: кровать, диван (на котором спал я, когда оставался здесь), компьютерный стол со стулом возле него, а в углу стоял книжный шкафчик, наполненный разной литературой. Михаил много читал и очень любил это дело. Но в отличие от меня, он не признавал электронные книги и читал только печатные издания. В библиотеке Миши преобладала фантастика. Тут можно было найти Рэя Брэдбери, Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, братьев Стругацких и прочих гениев пера в этом жанре. Но также здесь было множество книг по программированию (этим Михаил зарабатывал себе на жизнь), а на задних рядах, скрытыми от посторонних людских глаз покоились запрещённые и давно уже не издающиеся книги Петра Кропоткина и Михаила Бакунина. Миша закрыл крышку ноутбука, за которым он трудился всю ночь и плюхнулся на кровать.

– Ну всё, я спать, – зевая протянул гостеприимный хозяин, – Будь как дома, путник, – процитировал он строчку из своей любимой музыкальной группы «Король и Шут» (что делал довольно часто, буквально при каждом удобном случае) и, отвернувшись к стене, моментально заснул.

Я немедленно последовал примеру хозяина. Растянулся на диване и тут же погрузился в долгожданный блаженный сон, словно кто-то нажал кнопку «выкл» в моей голове, едва она коснулась подушки.

Проснувшись я оглядел комнату. За окном было уже темно. «Однушка» Михаила многим могла бы показаться тесной, но самого Мишу площадь вполне удовлетворяла. «Зато меньше убираться» – весьма резонно отмечал он. Вообще мой друг был человеком весьма чистолюбным и опрятным, и свою жилую площадь, так же как и себя самого, всегда держал в чистоте и порядке. За исключением волос. По неизвестной мне причине Михаил очень не любил стричься и делал это крайне редко. Не любил он даже причёсываться, поэтому волосы у него хоть и были всегда чистыми, но хаотично торчали во все стороны, в лучшем случае просто растрёпанными. Я посмотрел на кровать, Миши там не было, а со стороны кухни доносилось позвякивание посуды. Я протёр глаза, потянулся во весь рост, прочувствовав как разбегается кровь по всему телу, затем медленно поднялся и направился на кухню.

– Ужин уже почти готов, – едва заметно, краешком рта улыбнулся Миша, – Можешь пока в душ сходить.

Я не стал пренебрегать его предложением, так как при моём образе жизни это было бы просто непростительной глупостью, и с радостью отправился в душ. После мы плотно поужинали и, заварив на сей раз десятилетний пуэр, уселись на диване в комнате.

– Ну что? Какие новости? – поинтересовался Михаил, с блаженной улыбкой на устах вдыхая пары горячего чая.

– Да в том-то и дело, что ничего нового, – я отхлебнул из своей чашки и обжёгся, – Тоска какая-то нападает всё время, надоело всё. И заняться особо нечем, да и не хочется ничего. Хандра, апатия, одним словом.

– Что это ты в депрессию подался. Пойдём к Юрону завтра. Думаю, у него там есть чем заняться. Он мигом разгонит твою апатию.

Юрий – это родной брат Михаила, который по сути являлся ему и отцом, и матерью в одном лице. Когда умерли их родители, они остались вдвоём и Юра стал для маленького Миши всем. Он и сейчас всячески помогал своему младшему брату. Юрий был владельцем небольшой автомастерской в нашем городе, и у него всегда находилась какая-нибудь работёнка для нас. В основном мы с Мишей занимались компьютерами на машинах, поскольку сам Юра был первоклассным автослесарем, но ничего не смыслил в компьютерных технологиях.

– Да, не плохо было бы подзаработать немного, а то совсем без денег остался. Ещё и перчатки где-то посеял, руки мёрзнут.

– В такую погоду легко задубеть, – согласился Миша, – И никто даже не вспомнит о тебе с зимы холодной той, – улыбаясь, снова процитировал он строчку из любимой группы, немного перефразировав на сей раз, – Я вообще уже два дня на улицу не выходил. Сегодня хотел до Юрка пойти, ну да ладно. Завтра вдвоём ходим. А где ночью шатался? – после небольшой паузы вдруг спросил он.

Миша легко перескакивал с одной мысли на другую, иногда даже не закончив предыдущую. Наверно, поэтому у него и была такая манера общения, просто язык не успевал за работой его сверхскоростного мозга.

– Да так, в кафешке одной засел, «Марсианские хроники» дочитал.

Пуэр, наконец, перестал обжигать, и я сделал большой глоток, опустошив сразу пол чашки.

– Хорошая книга! – восторженно прокомментировал Миша, ему нравилось когда кто-нибудь вслух упоминал его любимых писателей или музыкантов, – Скоро и у нас начнутся свои марсианские хроники. Сегодня ещё один «Пионер» должен был стартовать.

– Угу, я читал в новостях.

– Вообще это здорово! – с энтузиазмом начал Михаил, – колонизация других планет, исследование новых миров! Это тебе не сиськи да попки лайкать. Тут воображение нужно, душа!

С таким вдохновением Миша мог говорить о научной фантастике, группе «Король и Шут» и, конечно же, о космосе и Вселенной. Прекрасно зная об этом, я разлил нам ещё по чашечке пуэра из чайника, что стоял на полу и приготовился к долгому вдохновлённому рассказу своего умного и, наверно, даже немного фанатичного друга.

– Спасибо! – поблагодарил он за чай и продолжил свой рассказ, – Людей слишком много стало на планете, а будет ещё больше. Всё-таки Томас Мальтус не так уж и далеко ушёл от истины. Конечно, при современных технологиях мы могли бы обеспечить каждого человека всем необходимым. Но кто позволит такому случиться? Мы до сих пор даже с бензина соскочить не можем, сидим как наркоманы на нефтяной игле. Сами люди давно уже стали заложниками своей жадности и глупости. А те, кто ещё не стал, то станут, едва почуяв дуновение цивилизованного мира. Но вряд ли можно перевоспитать современного человека. И уж тем более всё это больное общество, погрязшее в своей алчности и бессмысленном потреблении ненужных вещей. Да, именно жадность и зависть являются основополагающими качествами современного человека. Ведь мы не любим политиков, богачей, начальников не потому что они плохие, а потому что не мы находимся на их месте. Такова философия современного общества. У тебя должно быть то, чего нет у других. Ну или на худой конец хотя бы то, что есть у всех.

Тут он замолчал на минуту. Видимо, его мозг уже перескочил на другую мысль. Он допил чай и, держа в руке пустую чашку, продолжил говорить:

– Я вижу только два выхода, чтобы спастись от перенаселения. Либо мы продолжаем мочить друг друга в бесконечных войнах, что мы и делаем, кстати. Либо мы осваиваем космос, что более гуманно и разумно на мой взгляд. Но вот...

Тут он снова взял паузу, я же, воспользовавшись этим, долил остатки чая из чайника в опустевшие чашки. Миша пригубил пуэра, посмаковал пару секунд и продолжил рассказ. Причём так, как будто начал новый:

– Вот как мы собираемся колонизировать Марс? Построим там города, заселим их, наладим там производство... А потом засрём всю планету! Опыт у нас в этом деле колоссальный. Нам бы для начала свою планету в порядок привести, а потом уже разгуливать по космосу, но, похоже, спасение родной планеты не входит в планы. Спасение утопающих, как говорится... Вот и придётся спасать её тем, кто останется здесь. К тому же, кто решает, кто где будет жить? Вот кого мы отправим на Марс? Там же ещё и отбор ведётся по каким-то критериям. Вот сегодня ещё один «Пионер» забрал на Марс очередных искателей приключений. Молодые здоровые юноши и девушки, которые больше никогда не вернуться на Землю. А кто останется здесь? Старики да больные? А если кому-то на Марсе не понравится или по каким-либо другим причинам захочется вернуться? Что тогда? Ведь у них даже возможности такой не будет. Много вопросов без ответов. Конечно же, лучший вариант – это благоустроить свою планету, чем паразитировать другие, но мы так не сможем... А ты хотел бы улететь на Марс?

Вопрос оказался для меня несколько неожиданным, и я не сразу нашёл что ответить.

– А что я там буду делать? Да и вряд ли таких как я берут туда. У меня же нет никаких особых навыков.

– Ну а если бы всё-таки взяли? Полетел бы?

– Я как-то не думал об этом. Хотя, в принципе, это интересно бороздить космос...

– А я бы не согласился, – перебил меня Миша, – Я люблю Землю. Здесь удивительная природа, красивое небо... Да и Юрона я бы не оставил одного.

Тут он заметил пустые чашки возле чайника и понёс посуду на кухню. Я последовал за ним, громко рассуждая вслух:

– Наверно, я всё-таки рискнул бы полететь. Это же безумно интересно! К тому же и не держит меня ничего здесь. А так хоть какое-то приключение. Но всё же я хотел бы иметь возможность вернуться, хотя бы лишь для того чтобы рассказать тебе какое небо и природа на красной планете.

Мы посмеялись над этим и вернулись на диван. Повисло молчание. Каждый задумался о чём-то своём. Я думал о том, как было бы интересно побывать там, где никто ещё до тебя не был. Полёт на космическом корабле, поиски неизведанного... Во мне проснулся дух приключений. К тому же, что мне тут делать? На Земле у меня не было никого и ничего, что могло бы меня удержать. Родители умерли, когда я ещё был ребёнком. Бабушка, которая меня вырастила, тоже покинула наш мир, когда мне было восемнадцать лет. С тех пор я скитаюсь по улицам этого города, не имея ни дома, ни работы, ни семьи. Плюс ко всему ещё и военкомат никак не отстанет от меня. А в армию я не собирался, не считаю, что у меня есть долг перед страной, которая не только не помогла мне ни разу, но ещё и всячески мешает жить спокойной жизнью. В добавок эта бесконечная пустота внутри от осознания никчёмности своей жизни. А тут космические приключения! Аж дух захватывает, от одной только мысли об этом. Конечно, я понимал, что на самом деле всё будет совсем не так, как я фантазирую и никаких приключений скорее всего не будет. Реальность более прозаична. Будет лишь всякая ежедневная рутина, только на Марсе. И всё же какой-то азарт или даже авантюризм в этом присутствовал, и он наполнял мою бездонную пустоту.

– А что для этого нужно? – прервал я наши молчаливые раздумья.

- Для чего? – не сразу понял Миша о чём я, ещё продолжая витать в своих мыслях.
- Ну чтоб на Марс рвануть.
- Не знаю. Давай посмотрим.

Михаил сел за свой ноутбук, я же быстренько сбежал на кухню за табуреткой и пристроился слева от него. Довольно легко мы отыскали сайт Международного Комитета по Колонизации Космоса (МККК). Эта организация была создана несколько лет назад и довольно скоро стала одной из самых влиятельных корпорацией мира. Они занимались освоением космоса, решали что, когда и куда запускать, а также отбирали астронавтов для колонизации Марса. Именно эта организация решала, когда очередная экспедиция отправится на Марс и кто войдёт в её состав. За несколько лет МККК стала крупнейшей организацией на планете и в каждом более-менее большом городе обязательно можно было найти её филиал. Мы стали читать на сайте какие требования у МККК к кандидатам в астронавты. Оказалось, что попасть на «Пионер» у меня нет ни малейшего шанса. Я не обладал необходимым здоровьем, не имел требуемого образования и вообще даже близко не подходил на роль астронавта.

– В принципе, этого изначально стоило ожидать, – невозмутимо прокомментировал ситуацию Миша.

– Ну и ладно. Буду благоустраивать родную планету, – с некой досадой в голосе произнёс я.

Честно говоря, меня это расстроило. Я уже мысленно видел себя на борту космического корабля, как я «плаваю» в невесомости, как я вижу в иллюминаторе зелёно-голубой шар, что мы зовём Землёй. Но всё это могло быть только в моём воображении. Я молча отнёс табуретку на место и лёг на диван, представляя себе, как выглядят звёзды в космическом пространстве.

– Хватит валяться, – прервал мои фантазии голос Михаила, – Смотри что ещё у них есть на сайте. Можно в другую экспедицию попасть, нужно только анкету заполнить и ...

- Где? – не дал я договорить и тут же подскочил к ноутбуку.
- Вот! – Миша указал пальцем на монитор.

Действительно МККК набирала ещё одну экспедицию. На сайте не уточнялось куда именно, когда и вообще, что это за экспедиция. Предлагалось только заполнить анкету. Мне показалось это интересным, к тому же заполнение анкеты ни к чему не обязывало. Мы тут же начали заполнять её от моего имени. Графы анкеты были вполне стандартные: фамилия, имя, дата рождения, место рождения, паспортные данные, номер телефона, рост, вес, образование и прочая подобная чепуха. Заполнение анкеты заняло у нас не более получаса. Я ещё раз проверил то что мы написали и нажал отправить.

- Что теперь? – я вопросительно посмотрел на своего друга.
- Жди ответа. Позвонят тебе. Наверно.
- Когда?
- Я-то откуда знаю. А может и не позвонят.

Прошло две недели. Мы с Михаилом весь день трудились в автосервисе его брата и теперь сидели в кафе и уплетали уже вторую пиццу. Мы больше не вспоминали о Марсе и космических путешествиях. Я даже начал забывать об анкете. Но в этот вечер мне позвонили. Я поскорее проглотил кусок пиццы, что был во рту, запил его чаем и поспешил ответить на звонок.

- Алло!
- Сандраев Аркаим? – послышался из динамика приятный женский голос.
- Да, это я.
- Добрый вечер! – продолжал щебетать голос в трубке, – Вы заполняли анкету на сайте «эм три ка».

– Да, заполнял, – что-то внутри меня задрожало от радости, этот нежный голосок в трубке пробудил уже было почти погасший дух приключений с новой силой.

- Вы можете прийти к нам завтра к 9.00?

- Могу, а куда именно?
- В офис «эм три ка». Я скину Вам адрес по sms, до завтра.
- До завтра! – расплываясь в улыбке, попрощался я с девушкой, только, по-моему, она положила трубку раньше, чем я успел что-то сказать.
- Чего там? В космос летишь? – смекнул Миша.
- Ну да! Кажется, что так и есть. И пусть теперь попробует достать меня долбаный военкомат.

Да, нужно сказать, что пару дней назад у меня снова случился неприятный телефонный разговор с представителями военного комиссариата. И судя по разговору, на сей раз они были решительно настроены переодеть меня в пятнистую форму. Как я уже говорил, служить в вооруженных силах у меня не было ни малейшего желания. Во-первых, по своей сути я далеко не воин и уж тем более не солдат. Во-вторых, я считал себя свободным человеком, а что это за свобода такая, если по достижении восемнадцати лет я должен в принудительном порядке пойти туда куда не хочу и жить так как я не хочу. Я в принципе не сторонник войн и насилия, а тут ведь вполне вероятно, что по приказу начальства, которым в общем-то глубоко наплевать на меня и таких как я, мне придётся забирать жизни совершенно незнакомых мне людей. А эти люди тоже являются чьими-то детьми, отцами, мужьями или братьями. Сколько горя семьям вражеских солдат принести я должен быть потенциально готов? Но и это ещё не всё. В случае чего я должен буду отдать свою жизнь ради защиты интересов правящей партии, которая прикрывает своё истинное лицо словом «Родина». Может кто-то смотрит на всё это совершенно иначе и в корне не согласен с моими умозаключениями. Я не собираюсь это оспаривать и доказывать, но для себя я решил, что не пополню ряды потенциальных убийц в одинаковых ботинках.

На следующее утро я уже стоял в приёмной нашего местного филиала МККК. Это огромное стеклянное здание посреди города я легко мог бы найти и без всяких там sms с адресом, все в городе знали где находится офис МККК. Конечно, я понимал, что меня не назначат на «Энтерпрайз». Более вероятно, что вместо этого мне доверят какую-нибудь глупую, нудную, чёрную работу. Но в душе я себя ощущал капитаном Кирком или Споком, ну уж никак не меньше. Окрылённый мечтами о покорении космических просторов, я подошёл к женщине на ресепшен и представился. Она сверила мой паспорт с записью у себя в журнале и проводила меня в один из кабинетов. С этого момента моё стартрековское настроение стало стремительно улетучиваться, потому что началось тотальное медицинское обследование моего организма и продлилось оно до позднего вечера. После двенадцати часов обследования я вошёл в кабинет главного врача. Худощавый зрелый мужчина с коротко подстриженными волосами и бородкой изучал бумаги у себя на столе. Верхние две пуговицы на его халате были расстёгнуты и легко можно было разглядеть его идеально выглаженные рубашку и галстук. Несмотря на то, что уже был конец рабочего дня, его белая рубашка и халат оставались стерильно чистыми и не помятыми. Увидев меня у себя в кабинете, он поправил очки, улыбнулся и жестом предложил меня стул.

- Прошу Вас, Аркаим, присаживайтесь, – несмотря на всю его любезность, его голос звучал очень твёрдо и властно, – Устали сегодня?
- Есть немного, – признался я, усаживаясь напротив него.
- Ну ничего. Вы отлично идёте по всем показателям. Проголодались, наверно, за весь день?

Честно признаюсь, что его любезность и заботливость насторожили меня, поэтому отвечать я старался коротко и по существу.

- Естественно, проголодался.
- Сегодня Вы должны будете переночевать здесь. Не возражаете?
- А для чего? Могу поинтересоваться?

– Мы подключим Вас к своим приборам и понаблюдаем за Вами во время сна, – теперь он говорил уже так, будто не потерпит никаких возражений, – Завтра утром продолжим обследование. Но перед этим мы, конечно же, накормим Вас ужином, – последнюю фразу он произнёс уже с любезной улыбкой.

– И как долго продолжится обследование? И вообще мне интересно, что это за экспедиция, может я не соглашусь в ней участвовать.

– Завтра к полудню мы закончим обследование. И если всё будет хорошо, то сразу же встретитесь с директором нашего филиала, он и объяснит всё. Я же не имею такой информации.

– Ну давайте тогда пойдём до конца, раз уж начали.

Покидая кабинет главврача, я испытывал беспокойство, хоть и видимых причин для этого не было. Меня накормили довольно скудным ужином, после чего уложили в какую-то капсулу. Я очень волновался, поэтому боялся, что не смогу уснуть. Но мои волнения оказались напрасны. Мне что-то вкололи, довольно скоро я почувствовал безразличие ко всему происходящему, после чего просто отрубился.

На следующий день ближе к 13.00 я наконец-то встретился с директором. Роскошный просторный кабинет на самом верхнем этаже произвёл на меня впечатление. Отсюда открывался довольно неплохой вид на город. Посреди кабинета стоял стеклянный столик, а по обе его стороны мягкие кожаные диваны. На одном из них, словно на троне, восседал директор. Хотя внешне он больше был похож не на руководителя космической компании, а на голливудского актёра. Дорогой костюм, стильно уложенная шевелюра, атлетическое телосложение... Весь такой Брэд Питт в роли Джо Блэка, только нашего местного разлива. Я занял место на втором диване напротив директора.

– Сандраев Аркаим, поздравляю Вас! У Вас отличные результаты по итогам медицинского обследования и психологических тестов. Вы прошли почти все этапы проверки, осталось пройти только собеседование со мной, – «Питт» натянул голливудскую улыбку, но вопреки ожиданиям, теперь стал ещё меньше похож на известного актёра.

– Это, конечно, здорово, что я вам подхожу. Но я до сих пор не решил подходите ли вы мне. Хотелось бы узнать побольше об экспедиции, – вся эта напыщенная бутафория уже порядком поднадоела, и я решил сразу перейти к делу.

– Я Вам всё расскажу, наберитесь немного терпения. А сейчас я хотел бы задать Вам пару-тройку вопросов.

– Ну, задавайте, – обречённо согласился я.

– Интересное имя у Вас, необычное. Что оно означает?

– Просто имя. Мои родители придерживались язычества. Видимо, что-то связанное с языческой культурой. К сожалению, уточнить у них я уже не смогу.

– Да, я в курсе, что у Вас нет близких родственников, нет психических отклонений, нарко и алкозависимости, хронических и генетических заболеваний, да и сон у Вас хороший. Проблем с законом не имеет, а с военкоматом это ерунда.

– Вы хорошо осведомлены.

– Это наша работа. Так, значит, родители были язычниками. А бабушка?

– Бабушка была за хорошее воспитание. Я не припоминаю, чтобы бабушка как-то причисляла себя к какой-либо религии.

– Выходит, язычество по-Вашему религия?

– Ну может быть в какой-то степени. Смотря как посмотреть.

– А Вы какой религии придерживаетесь?

– Тут я солидарен со своей бабушкой. Вообще считаю любую религию такой же сектой, просто очень-очень большой и одобренной государством.

– Интересный подход. Но это не так уж и важно, на самом деле. На Земле есть люди, с которыми Вы хотели бы увидеться снова?

– Конечно есть, что за вопрос... Пойдите, я ещё не давал своего согласия, сначала объясните мне всё.

– Мы хотим отправить Вас в будущее, на два или три года вперёд.

– Это шутка? – наверно с моей стороны это был глупый вопрос, потому что было очевидно, что директор не шутит, но мой разум, видимо, пока ещё не готов был к подобным заявлениям.

– Сейчас колонизация Марса идёт очень медленными темпами, – не обращая внимания на мой идиотский вопрос продолжал директор, – Пока людей там хватает. Но совсем скоро мы доставим туда всё необходимое оборудование, и темпы строительства возрастут в несколько раз. На красной планете будут построены города, которые потрясут воображение. Но для этого потребуется множество рабочих рук, причём самой разнообразной квалификации. Поэтому нам необходимо запастись рабочей силой на Марсе. Строителей нашего будущего мы погружаем в криогенный сон, отправляем на место и по мере необходимости будем пробуждать и подключать к процессу.

– То есть вы меня заморозите, отправите на Марс и вернёте к жизни года через три, когда понадобятся дополнительные рабочие руки. Честно говоря, не совсем то, что я ожидал, а точнее совсем не то что я ожидал.

– А чего Вы ожидали? Стать капитаном звездолёта и сражаться с космическими пиратами?

Директор сказал это с какой-то злобной надменной усмешкой. Я хотел было ему что-то возразить, но не успел открыть рот, как он уже с добротой в голосе продолжил.

– Выбросьте из головы все эти ребяческие представления о космических приключениях. Подумайте хорошенько, по сути, я предлагаю Вам путешествие во времени и на другую планету. И ещё скажу Вам по секрету, – он слегка наклонился в мою сторону и заговорщицки прошептал, – Земля обречена на верную гибель, а в Марсианских городах на всех места не хватит. Так что не упускайте возможность, пока она есть.

– Хватит меня разводить! – рассердился я, его откровенно плохая актёрская игра просто выбеживала, – Я, в принципе, понимал, что никакой романтики здесь не будет. А если по существу, то у меня есть несколько вопросов. Мы первые кто полетит спящими на «Пионере»? Когда отправление? И смогу ли я рассчитывать на аванс?

– Вот это уже деловой подход! – похвалил он меня словно ребёнка, – Начнём с того, что «Пионеры» не оснащены криокамерами. «Пилигрим» называется ваш корабль и это будет уже четвёртая подобная отправка. На космодром Вы отправитесь уже завтра. Вы должны понимать, что в город мы Вас уже не можем выпустить, поэтому в авансе не вижу смысла. Ещё вопросы?

– Так-то я согласен, – после непродолжительных раздумий заключил я, – Просто хотелось бы рассчитаться с долгами перед тем как сгину отсюда возможно навсегда. Да и зачем мне на Марсе земные деньги, пусть лучше останутся здесь.

Долгов у меня никаких не было, но я подумал, что не плохо было бы оставить друзьям какой-нибудь прощальный подарок. Однако этот директор был просто мастером лжи и сразу же меня раскусил.

– Мы всё уладим. Кому передать Ваш аванс? – он хитро заулыбался, по-моему, ему польстило то, что он разоблачил мою маленькую ложь.

– Другу моему, Михаилу Бахареву.

На следующий же день меня отправили на космодром. Там долго и нудно готовили меня к полёту и криогенному сну. Не знаю почему, но всё время, что я находился на космодроме и особенно в день отлёта, меня не отпускала одна песня, однажды услышанная в автосервисе

Юры и очень мне полюбившаяся. Это была композиция «Nightfall» группы «Xandria». Звонкий воодушевляющий голос Дианы ван Гирсберген неустанно повторял у меня в голове:

Here it comes,
The story of mankind's final glory,
Into the nightfall...

Я непроизвольно насвистывал в унисон (как мне казалось) голосу голландской певицы в моей голове.

Моя бабушка считала день весеннего равноденствия особенным и всегда тщательнейшим образом готовилась к нему заранее. Я же в детстве всегда ждал этот день больше чем Новый год или свой собственный день рождения. По иронии судьбы или нелепой случайности, или высшему космическому провидению, но «Пилигрим-4» стартовал с Земли именно 21 марта. Ну а что было дальше уже известно...

Глава 4. Экскурсия по красной планете. От животного до сверхчеловека

Я чувствовал себя превосходно! Не испытывал даже лёгкого недомогания вот уже несколько дней. Я свободно передвигался по лаборатории, но покидать её пределы мне не позволяли. Лука давно уже не появлялся. Мне было скучно, и я пытался как-то наладить контакт с сотрудниками лаборатории. Мой универсальный переводчик снова был отключен, а без него мы совершенно не понимали друг друга. Но что меня задевало, так это то, что эти квакающие люди даже не пытались со мной контактировать. Они просто не замечали меня, вспоминали обо мне лишь когда наступало время приёма препаратов или пищи. Когда я проявлял настойчивость и приставал к кому-нибудь конкретно, они лишь довольно мило, но при этом как-то глупо улыбались в ответ и продолжали заниматься своими делами, просто игнорируя моё присутствие. Сначала это меня злило, но довольно скоро я с этим смирился и решил поближе познакомиться с их технологиями самостоятельно. Совершенно незнакомая аппаратура стояла вокруг, на мониторах мелькали символы похожие на иероглифы, что ещё больше вводило меня в заблуждение. Трогать ничего мне здесь не разрешали, только смотреть. Да я и сам не хотел бы случайно что-то нажать и стать причиной катастрофы. Тем более я знал, что мы находимся на Марсе, а значит в случае какой-нибудь экстремальной ситуации, не удастся спастись, просто убежав на улицу. Целыми днями я разгуливал по довольно просторному помещению лаборатории, пытаюсь вникнуть в работу менахелей, а каждый вечер перед сном старался как-то систематизировать увиденное. Это было единственное чем я мог себя забавлять, чтобы не умереть от скуки. Мне не удавалось понять даже хоть какие-то слова. Может потому, что со мной они не разговаривали вообще, а между собой только по делу. Попытки расшифровать их систему иероглифов также не увенчалась успехом. Потом я решил понаблюдать за работой их аппаратов, но и тут мои умозаключения не продвинулись далеко вперёд. Мне лишь стало понятно, что все их компьютеры и прочие технологии подключены к единой сети, хотя об этом не трудно было просто догадаться. Найти источник питания мне не удалось, поэтому я пришёл к выводу, что машины питаются либо через пол, либо по воздуху. Всё было настолько непривычно, за 300 лет технологии и люди изменились просто до неузнаваемости. Как будто я перенёсся на машине времени в другую эпоху, хотя по большому счёту так оно и было. Наверно, так себя чувствовал бы человек из средневековья, попади он в мой XXI век.

Однако в одно прекрасное утро (хотя здесь каждое утро было одинаковым, впрочем, как и день, и вечер, и ночь) на одном из многочисленных мониторов я увидел знакомую картинку. Это была двойная спираль, в которой я признал молекулу ДНК. Этот факт меня невероятно обрадовал, ведь теперь я смогу хоть на что-то опираться строя в своей голове гипотезы. Учёный за монитором то ускорял, то замедлял вращение двойной спирали, то вовсе оставлял её неподвижной. Я стал внимательно наблюдать за его работой. Он менял крохотные участки спирали на другие цвета и сразу внизу экрана выскакивали какие-то иероглифы. Он всматривался в выскакивающие надписи и снова продолжал экспериментировать. Время от времени он возвращал первоначальную исходную картинку. К нему подошёл второй учёный. На экране вылезло огромное количество иероглифов и они, глядя на них, стали что-то обсуждать. Они меняли некоторые символы, вводили новые данные и снова обсуждали полученные результаты. Мне показалось, что это некие расчёты, а символы похожие на руны, скорее всего цифры. Ещё немного посоветовавшись, первый учёный опять вывел на экран рисунок молекулы ДНК, а второй вернулся на своё рабочее место. Я проследовал за ним. У этого на экране были многоугольники, соединённые между собой линиями. Я вспомнил как в школьных учебниках химии рисовали структуры молекул органических веществ. На основе всего увиденного я пришёл, как мне казалось, к единственно правильному умозаключению. Здесь занимаются генной инженер-

рией, генетическими модификациями. А учёные ведут себя так странно, как-то не по-людски, потому что сами, наверняка, являются генетически модифицированными. Либо они андроиды, как я подумал изначально.

Всё это казалось увлекательным лишь какое-то время, но вскоре стало надоедать. Скучное однообразие изо дня в день жутко угнетало мой дух, жаждущий приключений или хотя бы каких-нибудь, пусть даже самых незначительных, событий. Самый скучный день сурка, который только можно себе представить. Я перестал чувствовать себя средневековым человеком, попавшим в новый неизведанный для него мир. Я перестал себя чувствовать путешественником во времени или чудом пережившим крушение космическим героем. Теперь я больше чувствовал себя каким-нибудь домашним питомцем. Скажем, котом. Меня кормили, не обижали, позволяли гулять по «квартире», но как менее развитому существу не разрешали ничего трогать. Жизнь кота меня совсем не устраивала, я начал открыто проявлять беспокойство и временами даже агрессию. Это понимали «хозяева» заточённого «кота» и тут же кололи меня какой-то дрянью, чтоб я был более покладистым и послушным. После таких уколов я испытывал какое-то неестественное блаженство и эйфорию. Я ходил довольно развесив рот до ушей, даже не пытаюсь собрать свою идиотскую улыбку. Потом я лежал довольный всем и тихо засыпал. Проснувшись я чувствовал опустошённость и ненавидел себя за то, что вёл себя как безмозглое существо и при этом ещё получал от этого дикое удовольствие. После двух таких уколов я старался больше не показывать своих эмоций и переживаний.

Уставившись в потолок пустым взглядом, я размышлял о побеге. Последнее время я только о нём и думал, но никак не мог всё чётко спланировать. Я не знаю какой физической силой обладают эти квакающие мутанты и вообще на что они способны. Тем более я не имел никакого представления о том, что же находится за дверью. В любом случае у меня было только два варианта развития дальнейших событий: либо оставаться котом, либо попытаться вырваться отсюда. Второй вариант нравился мне тем, что даже в случае фиаско я хоть на миг смогу почувствовать себя свободным человеком. Мне вспомнилась фраза из выступления Долорес Ибаррури, которую я как-то вычитал в одной из революционных книг Михаила: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Нужно было только дожидаться, когда учёные менахели станут ходить на обед и как только откроется дверь, рвануть со всех сил наружу. А дальше будь что будет...

– Здравствуй, Аркаим! Не надоело ещё валяться без дела?

Неожиданно раздавшийся прямо у меня над головой властный голос Луки заставил меня вздрогнуть.

– Здравствуйте, Лука, – я стал неторопливо подниматься с кровати, спешно выстраивая у себя в голове диалог, с целью сбора информации, – Очень надоело – начал я лениво.

– Тогда пойдём со мной, – очень резко оборвал он меня, – Мне сообщили, что ты здесь больше не нужен.

Лука направился к выходу, даже не оборачиваясь. Он был уверен, что я последую за ним. Разумеется, я поспешил за ним к заветной двери. Эта магическая дверь будоражила моё воображение всё это время. Что я только себе не представлял за ней увидеть: и боевых дроидов, и космический корабль, и всяких инопланетян, и просто поверхность Марса с его небом... Но шагнув за порог я вынужден был несколько разочароваться. За дверью оказался длинный пустой коридор всё в тех же бело-голубых тонах. Мы прошли метров двадцать по этому коридору и вошли в лифт. Двери лифта бесшумно сомкнулись, и мы поехали. Правда я абсолютно не чувствовал движения, как будто мы стояли на месте. И уж тем более не смог определить вверх мы движемся или вниз.

– А эти учёные в лаборатории. Они роботы или мутанты?

Мне показалось молчание затянувшимся, и я решил задать вопрос, над которым давно уже ломал себе голову. Лука никак не отреагировал на мою попытку завести разговор и дальше

мы не говорили. Выйдя из лифта, я проследовал за главным менахемом в кабинет. Он был очень похож на лабораторию, которую я имел счастье только что покинуть. Отличался только гораздо меньшей площадью и был чуточку уютнее.

– Зайди и переоденься для начала, – повелел Лука и указал рукой на дверь справа.

Я оказался в тесноватой коморке, где висел небесного цвета классический костюм и белоснежная рубашка. Мне никогда раньше не доводилось носить классические костюмы, но сейчас выбирать не приходилось. К моей радости, эти пиджак и брюки идеально подошли мне по размеру. Приятно удивило и то, что я почувствовал себя весьма комфортно в новом для себя имидже. К костюму прилагались очень мягкие, лёгкие и удобные туфли. Переодевшись в новое, я постоял ещё несколько секунд, чтобы ощутить себя в новом облики, поправил воротник рубашки и пиджака, и только после этого вышел к Луке.

– Удобно? – осведомился Лука как-то безразлично и даже отчуждённо.

– Весьма. Хоть и не привычно для меня, – честно признался я, занимая кресло напротив моего собеседника.

– Твоё появление здесь вызвало немало вопросов и слухов. Но всё это не существенно. Мы собрали всю информацию о тебе, и до слухов нет дела. Сейчас возник другой вопрос. Что делать дальше?

– Можно просто отпустить меня на все четыре стороны. Я взрослый здоровый мужчина, найду себе занятие.

Я ещё искренне надеялся погулять по улицам марсианских городов, посмотреть местные достопримечательности и природу, увидеть марсианское небо, познакомиться с людьми будущего, да и Землю будущего не терпелось поскорее увидеть.

– Всё совсем не так просто, – равнодушно заметил Лука, – Мир изменился, а ты в нашем мире непонятный элемент. И пока там наверху, – указательным пальцем правой руки он указал на потолок, и я непроизвольно посмотрел наверх, – Решают твою судьбу, я взял на себя ответственность адаптировать тебя к нашей жизни.

– А кто там наверху решает? Боги? Вы ведь вроде как высшая раса, неужели и над вами есть высшие силы? – заметил я иронично.

– Давай я начну с самого начала и дальше по порядку.

Лука откинулся назад в своём кресле, скрестил на животе пальцы рук и уставился на меня своим пронизывающим самоуверенным взглядом. Я кивнул головой, соглашаясь с его предложением, которое показалось мне разумным, и тоже поудобнее устроился в кресле.

– Земля – это прошлое, а Марс – настоящее и будущее разумной формы жизни. Так что если у тебя были какие-то надежды по поводу возвращения на Землю, то можешь поскорее их забыть. Земли какой её ты знал больше нет. Люди уничтожили свою планету и себя вместе с ней. Глобальная катастрофа способствует либо вымиранию вида, либо его эволюции. Деятельность людей привела к техногенной катастрофе, которая уничтожила всё живое на планете. Но человеческий вид эволюционировал, только не на своей планете, а уже здесь на Марсе. Так появилась наша цивилизация более развитых существ. В кратчайшие сроки мы построили идеальное общество, о котором так мечтали люди на протяжении всей своей кровавой истории. Но люди ограничивались лишь словами, мы же создали то, что вы считали утопией. Войны, эпидемии, нищета, голод всё это пережитки вашей цивилизации. У нас ничего подобного просто не может случиться. Сама такая вероятность исключена. Сейчас на Марсе в мире и согласии сосуществуют четыре расы. Три биологические и одна механическая. Механическая – это андрониды, обладающие высокоразвитым искусственным интеллектом. Есть ещё роботы, но они не наделены таким мощным интеллектом и используются как инструмент. Биологические расы делятся на две низшие, это четаки и брюти, и одну высшую – раса менахелей. Менахели контролируют жизнедеятельность менее развитых рас. В двух словах не описать всего величия и великолепия, которого мы достигли. Поэтому я буду помогать тебе постепенно осваивать и

понимать наш мир. Но только при условии, что и ты сможешь мне более глубоко понять ваш мир.

– Но мой мир уже в далёком прошлом, – с сомнением в голосе начал я после небольшой паузы, – Вы же и так знаете всё о прошлом Земли, ну а о себе мне вообще рассказать нечего... – я никак не мог понять, чего же на самом деле он от меня хочет.

– Тебе не нужно будет ничего рассказывать. Просто мне как учёному интересен ваш вид, а тут такая возможность!

– Значит, все вы всё-таки не люди, так сказать, не homo sapiens?

– Один из ваших великих мыслителей Фридрих Ницше довольно тонко подметил что «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком». Менахели и есть те самые сверхчеловеки, так сказать, следующая ступень эволюции.

Лука встал с кресла и чётким отточенным движением руки поправил себе пиджак и причёску. Меня не покидала мысль, что он и сам как робот. Неужели сверхчеловек – это биологический робот? Мой рассудок отказывался принимать подобный оксюморон. К тому же я совсем ничего о них не знал, чтобы делать какие-то чёткие выводы. Мои раздумья быстро прервались. Под гипнотическим взглядом сверхчеловека я невольно поднялся со своего места.

– Мы одели тебя в одежду менахелей. Каждая раса имеет свои отличительные цвета. Наши это белый и голубой, как ты уже должен был заметить. Никто кроме нас не имеет права носить эти цвета. Поэтому тебе следует вести себя подобающим образом. Не сутулься, веди себя уверенно, даже несколько надменно. И самое главное! Во избежание смуты и паники среди населения, тебе не следует разговаривать с брюти и четаками. Они не в курсе кто ты, да и незачем им это знать.

– То есть сейчас я всё увижу своими глазами? – обрадовался я.

В этот момент энтузиазм и любопытство взяли верх над сомнениями и страхом. Я поспешил за своим гидом в самую непредсказуемую экскурсию в моей жизни. Пройдя по коридору в противоположную от лифта сторону, мы вышли в великолепный зал. Огромное круглое помещение с высоченными потолками просто кишело всякими машинами и роботами, будто механический муравейник.

– Мы находимся в вестибюле главного здания нашего государства, – объяснял Лука на ходу, – Каждое здание – это по своей сути отдельный город. Наше здание мы называем столицей. Все эти роботы вокруг выполняют здесь функцию obsługi, охраны ну и тому подобное. Управляет всеми ими Айзек, – Лука указал пальцем на мужчину, который стоял на ресепшене посреди этого огромного зала, тот приветственно кивнул нам в ответ, – Айзек – андроид, поэтому одет в серый комбинезон. Серый – это цвет той самой единственной марсианской механической расы. Тебе следует запоминать цветовые отличия, это самый простой способ определить расовую принадлежность.

Мы приближались к громадному окну. Я шёл на пол шага позади своего экскурсовода. И когда Лука должен был непременно врезаться в прозрачную стену, массивное стекло быстро и бесшумно отошло в сторону. Мы вышли из здания и очутились в месте очень напоминающем железнодорожный перрон. Я почувствовал лёгкое дуновение ветра. Приоткрыв рот, я стал жадно глотать воздух, как человек, которого много дней не выпускали на улицу из тесного помещения.

– Мы как будто вышли на улицу, – поделился я своими ощущениями.

Я задрал голову вверх и увидел над собой чистое голубое небо и очень медленно плывущие по нему мягкие пушистые облака.

– Не думал, что на Марсе небо такое же красивое, как и на Земле. А как же атмосфера?

– Это не небо, а потолок. Выполнен он в цветах менахелей, чтоб низшие расы даже на подсознательном уровне осознавали своё положение в нашем обществе.

– А выглядит как настоящее небо, даже облака движутся и ветерок как будто... – я был заморожен увиденной картиной импровизированного неба.

– Верно! Всё и должно выглядеть именно так. Мы находимся на променаде. Место, которое соединяет все шестнадцать городов южного полушария. Отсюда на поезде можно доехать до любого из наших городов.

Как-будто подтверждая слова Луки, словно чёрт из табакерки, из тёмного тоннеля выскочил поезд и остановился перед нами.

– Прокатимся! – любезно предложил Лука.

– Ещё бы! – не мог скрыть я своего восторга.

Я никак не мог отказаться от предложения прокатиться на марсианском транспорте будущего! Чувство детского восторга переполняло меня. В последний раз я так радовался в далёком детстве, когда бабушка повела меня на выставку роботов. Предвкушение от того, что ты увидишь нечто невообразимое, прикоснёшься к тому, о существовании которого многие даже и не подозревают, в эмоциональном плане как минимум не уступает самому событию. В такие моменты любознательность затмевает собой всё. Пытливость ума и небезразличие к окружающему миру заставляют забыть о страхе и даже элементарной осторожности. Но в данный момент мне не о чем было беспокоиться. Я мчался по красной планете на сверхскоростях, сидя в удобном кресле и совсем не ощущал движения. Мой экскурсовод, сверхчеловек Лука, знакомил меня с Марсом и чудо-технологиями, которые до сегодняшнего дня я мог видеть только лишь в фантастических фильмах. Поезд в очередной раз еле заметно остановился.

– Вот здесь мы, пожалуй, и выйдем, – решил Лука, и мы сошли с поезда.

– А за счёт чего ездит этот сверхскоростной поезд? – полюбопытствовал я.

– Вы называли подобную технологию генератором Ван де Граафа. Ну а благодаря магнитной подушке поезд левитирует над поверхностью. По сути ничего нового здесь мы не придумали, нечто подобное было известно и вашей цивилизации, может быть что-то подобное ты даже видел собственными глазами ещё будучи на Земле. Мы лишь кое-что усовершенствовали и доработали. Но в отличие от вас, мы не используем топливо или ядерные реакторы. Всё на Марсе питается исключительно от солнечных батарей и бестопливных генераторов. Давай пройдем туда, где нам не будут мешать.

На этой станции народу было гораздо больше, чем там, где мы сели на поезд. И цвета одежды здешней массы были разнообразнее. Мы вошли внутрь здания и попали в большой вестибюль, совсем не похожий на предыдущий. Да, здесь тоже было много персонала-роботов, такая же стеклянная дверь на входе, такие же высоченные потолки. В центре зала так же на ресепшене стоял андроид. Это я определил по серой одежде, внешне же он никак не отличался от обычного человека. Вроде идентичный зал, но здесь не было того изящества, той роскоши и шика, что в первом.

– Здравствуйте, канцлер Лука, – поприветствовал андроид, едва мы приблизились к стойке, за которой он стоял.

– Мне нужен балкон с видом на променада да так, чтобы не очень высоко. Скажем, второй или третий этаж.

– Какие-нибудь ещё пожелания?

– Да. Обед на две персоны, и чтобы никто не беспокоил, – распорядился сверхчеловек.

– Третий этаж, – подытожил представитель механической расы.

Андроид положил перед нами белый жетончик с надписью: «С1». Лука взял жетончик, и мы проследовали к лифту.

– Канцлер? – спросил я уже в лифте.

– Государство управляется шестнадцатью канцлерами – главами шестнадцати городов.

– А что означает «С1» на жетончике? – продолжал я допытываться уже догоняя выходящего из лифта канцлера.

– Квадрат С1, где мы сейчас и находимся. Один город – один квадрат. Условно вся поверхность Марса поделена на 64 квадрата. 16 из них Южное государство, 16 – Северное. И ещё 32 квадрата между ними.

– Выходит, Вы глава одного из городов и член правительства?

Лука не торопился отвечать. Он приложил жетончик к двери, чтоб открыть её. Мы оказались на застеклённом балкончике, где стоял обеденный столик, накрытый на две персоны и два кресла. Отсюда открывался отличный вид на променад.

– Именно так. Я канцлер квадрата Е1, то есть столицы Юга, – Лука пригласил меня жестом к столу, и мы заняли места напротив друг друга.

– А почему 16? Как вы принимаете решение, если голоса разделились поровну, скажем, 8 на 8?

– Голоса? – Лука вопросительно взглянул на меня – А! Ты, наверно, имеешь в виду процесс голосования. Это такой же пережиток вашего несовершенного общества. Какой абсурд это ваше голосование! Почему, например, в вопросах строительства какой-нибудь юрист или спортсмен имеет равный голос с архитектором? Или в медицинских вопросах мнение инженера или актёра приравнивается мнению врача? Абсурд, да и только! Как вообще можно было до такого додуматься. По-твоему, голос глупого четака и почтенного менахеля должен быть равноценен? У нас каждый занят своим делом, поэтому мы всегда приходим к единому, самому верному решению. Но не это должно заботить тебя. Угощайся обедом и понаблюдай за променадом.

– Здесь народ более разнообразно одет – отметил я, отправляя в рот кусок неизвестного мне блюда.

– Верно подмечено. Те что в синем и зелёном – это брюти. Воинственные и преданные! Вторая по численности раса на планете. В основном они служат в органах правопорядка, а также занимают мелкие и средние руководящие должности.

– Органы правопорядка это что-то вроде полиции? – уточнил я.

– Конечно, нет. У нас нет насилия и преступности, поэтому нет потребности в полиции и вообще в юриспруденции. Органы правопорядка следят за выполнением установленных норм и правил. Причём не только в общественной жизни, но и на производстве.

– Не совсем сейчас понял...

– Они следят за тем, чтобы заводы выполняли установленную норму производства, чтобы граждане придерживались предписанных правил, занимаются поиском повреждённых.

– В смысле, повреждённых?

Сверхчеловек снисходительно улыбнулся, увидев меня говорящего с набитым ртом. Так улыбаются родители, когда их несмышлёное дитя делает что-то неправильно или задаёт глупые вопросы. Но меня это ничуть не смутило. Еда была очень вкусной. Чем-то напоминала копчённую курицу и сыр, а напиток по вкусу был очень похож на апельсиновый сок. Хотя после омерзительной каши, которой меня кормили всё это время, любое блюдо мне показалось бы изысканным.

– Кто такие повреждённые? – повторил я свой вопрос, так как мне показалось, что Лука не собирается мне отвечать.

– Граждане с отклонениями, – пояснил Лука, хотя от этого мне не стало понятнее, – Необходимо понимать, что в основе порядка лежит дисциплина. Наши граждане знают, что путь к счастливой жизни – это чётко выстроенная, непоколебимая иерархия.

– Ну тут я не соглашусь.

Я вытер рот салфеткой, приготовившись к интересной дискуссии, но Лука довольно грубо отбил у меня это желание.

– Потому что ты всего лишь промежуточное звено между мной и неразумным животным.

– Значит, брюти, андройды, менахели... А остальные вот эти вот кто?

Я уставился в окно, пытаюсь не показывать, что последняя фраза моего собеседника задела меня. Но канцлеру, по-моему, было просто глубоко наплевать на чувства других, он как ни в чём не бывало продолжил рассказывать:

– Четаки. Самая многочисленная раса. В одежде это тёмные, близкие к чёрному оттенки синего, красного, коричневого. Ну и, конечно же, сам чёрный. Их отличает высокая устойчивость к тяжёлому физическому труду, весьма низкий уровень интеллекта, послушание, исполнительность, терпеливость. Некоторые их качества вызывают у меня восхищение! Но они годятся только для физического труда, не требующего больших знаний.

– И все эти расы эволюционировали от человека?

– Искусственно эволюционировали, – подправил меня канцлер, – Кроме андроидов, разумеется.

– Это результат генной инженерии?

– Мы приехали сюда не просто поесть и посмотреть на променад. Я хочу показать тебе ещё кое-что. Ты закончил?

Теперь я был сыт и доволен, а от услышанного неугасающее любопытство разыгралось ещё сильнее.

– Да, да! Конечно! – поспешил я покинуть обеденный стол.

– Не спеши.

Лука приложил ладонь к уху и, подождав пару секунд, начал говорить.

– Да, мы здесь. Можем прийти сейчас? Хорошо, скоро будем.

– Это что телефон вживлён в руку? – я замороженно смотрел на его руку, в надежде, что он сейчас мне покажет, как это работает.

– У тебя будет такой же. Пойдём! – повелел Лука, не разделяя моего энтузиазма.

Мы пришли в огромную лабораторию, гораздо больше чем та в которой держали меня. Несколько десятков менахелей в медицинских халатах и масках, словно пчелиный рой, носились с пробирками и шприцами. У дверей нас встретил мужчина, выдал нам такие же халаты и маски. Я подумал, что он собирается устроить нам здесь небольшую экскурсию. Но они с Лукой о чём-то поговорили в сторонке, и он оставил нас вдвоём.

– Это лаборатория по клонированию, – рассказывал Лука, ведя меня мимо стеллажей и столов полных всяких склянок и колб, – Здесь выводятся четаки и брюти.

– Так они клоны... А менахели?

– Менахели клонируются в другом здании.

– Значит, все кто нам попадался – клоны?

– Да!

– И Вы тоже?

– И я тоже. Пусть это не удивляет, в нашем мире это обычная практика.

– А чем же вам не угодил традиционный способ размножения?

– Много чем. Размножение половым путём – процесс долгий, болезненный, затратный и совсем не эффективный. К тому же рождаемость трудно контролировать. Плюс ещё огромные затраты времени, труда и ресурсов на то чтобы родившийся ребёнок стал полезной обществу рабочей единицей. Тогда как создание, выращивание и воспитание клона занимает всего от пяти до семи лет. Уже через пять лет брюти и четаки, зачатые сегодня, займут свои рабочие места. Такой подход сразу же избавляет от таких проблем как безработица, бедность, что в свою очередь порождает преступность. Для создания полноценно функционирующего менахеля требуется чуть больше, семь лет. Но и продолжительность жизни менахелей значительно больше. 70-90 лет против 15-20 лет жизни представителей рабочего класса. Поэтому клонирование низших рас требуется в гораздо большем объёме.

– И что вообще никто не рождает на Марсе?

– Клоны не способны к половому размножению.

– А как же отношения между мужчиной и женщиной?

– Клонам доступно занятие сексом, если ты об этом. Просто исключена вероятность зачатия.

Мы прошли в следующий зал. Тут стояли тысячи банок с зародышами. На каждую банку было накинута что-то вроде наушников.

– Что это? – ужаснулся я.

Увиденное вселяло не только ужас, но и отвращение, мне захотелось поскорее покинуть это жуткое место.

– Нейролингвистическое программирование зародышей. Мы начинаем воспитание ещё на стадии создания.

Лука говорил спокойно чётко и хладнокровно, как будто читал лекцию студентам в аудитории. Его ничуть не смущала эта обстановка.

– А дальше что? – с трудом выдавил я из себя, сдерживая рвотный рефлекс.

– Дальше другие методы, сейчас всё увидишь.

– А можно не смотреть? Я вроде как уловил суть.

Лука посмотрел на моё перекошенное лицо. Представшая картина вызывала у меня омерзение и отвращение. Множество зародышей на разной стадии развития, помещённые в банки с жидким прозрачным раствором. К банкам по трубкам что-то поступало. Зловонье спирта вперемешку с химикатами усиливали неприятные ощущения. Я чувствовал, что если сейчас же не покину это помещение, то мой недавний обед вырвется наружу прямо здесь. По моему многострадальному лицу это понял и мой гид.

– Можно и не смотреть, – лаконично заключил Лука и вывел меня из этой кунсткамеры.

Немного отдышавшись и заставив себя забыть увиденный кошмар, я обратился к сверхчеловеку, который невозмутимо стоял рядом и наблюдал за моей реакцией.

– Зачем было показывать мне всё это безобразия?

– Человеческий вид был склонен к насилию, жестокости и самоуничтожению. Вы ставили жестокие опыты на людях и на животных. Не думал, что безобидные медицинские процедуры над зародышами клонов вызовут у тебя такую реакцию.

– Не все люди одинаковые, – я злобно оскалился и повторил иронично, передразнивая его, – Безобидные...

– В этом и заключается слабость вашего вида. Сейчас мы работаем над созданием нового вида. Они будут обладать телепатией и коллективным разумом. Это будет следующая ступень эволюции.

– Ещё один сверхчеловек?

– Сверхменахель, я бы назвал.

– А давайте Вы мне просто расскажите про этих своих клонов где-нибудь в более приятном месте, где не воняет химикатами.

– Что бы ты хотел увидеть?

– Ну я рассчитывал увидеть достижения науки и техники, а не опыты над неродившимися существами.

– Хорошо. Вернёмся в квадрат Е1, тем более там у нас есть ещё несколько запланированных на сегодня дел.

Мы вернулись в столицу, где Айзек тут же поприветствовал нас дружелюбной улыбкой. Даже в такой толпе и суматохе ни что не могло проскользнуть мимо его внимания.

– Он отдыхает когда-нибудь? – спросил я у Луки шёпотом, хоть Айзек и находился от нас достаточно далеко, но мало ли как устроен слух у этого андроида.

– Конечно, отдыхает. Когда нет дел. И можно не шептать, он всё равно всё слышит.

Я почувствовал некую неловкость перед Айзеком и даже немного покраснел, бросив взгляд в его сторону.

– Айзек обладает высочайшим интеллектом. Он не может обидеться, рассердиться или проявлять какие-либо другие эмоции. Он всегда принимает логически верные решения.

Этот Лука словно читал мои мысли и это меня отчасти раздражало.

– Вы можете читать мои мысли? – поинтересовался я, когда мы поднимались на лифте.

– В данный момент нет. Просто ты не умеешь контролировать свои эмоции. Твой голос, жесты, микромимика выдают твои мысли.

– Зато у тебя хорошо получается, – неожиданно для себя я впервые обратился к нему на «ты», хотя сам Лука обращался ко мне исключительно только так.

– Не правильно обращаться к канцлеру на ты, тем более ты даже не менахель, – хладнокровно поправил он меня.

– Простите, – язвительно отреагировал я на его высокомерие, в тот же момент открылись двери лифта.

– Приехали, – констатировал Лука и вышел из лифта.

– Куда мы сейчас идём?

– Изначально, когда я повёл тебя в лабораторию клонирования, я проигнорировал тот факт, что ваш вид предпочитает здравому смыслу иллюзорные развлечения. У нас тоже имеются развлечения. Тем более тебе необходимо снять напряжение. Мы идём в кино.

Мы вошли в комнату где царил полумрак. Стены целиком являлись мониторами, которые показывали трейлеры различных фильмов. Нас встретил ещё один андроид, только на этот раз это была девушка.

– Какое кино предпочитаешь? – поинтересовался у меня Лука, взял из рук девушки-андроида планшет и стал листать список фильмов.

– Мы что тупо будем сидеть и смотреть фильм? – возмутился я.

– Не мы, я займусь другими делами.

– Да не хочу я смотреть кино, – продолжал я негодовать.

– Не просто смотреть, ты будешь в нём участвовать.

– Как это? – вот теперь я уже был заинтригован.

– Выбираешь фильм, героя и участвуешь в фильме в роли этого героя. Ты будешь видеть его глазами и чувствовать то же, что и он.

– То есть если моему герою будет больно, то и мне тоже.

– Совершенно верно.

– А если он умирает?

– Почувствуешь смерть, но с тобой ничего не случится.

– Хмм... – задумался я, – Но как я могу тогда выбрать фильм? Я даже не знаю о чём они.

– А в чём смысл выбирать фильм с сюжетом и событиями которого ты уже знаешь?

– Ну хотелось бы хоть примерно знать, что меня ожидает. А вдруг меня там изнасилуют или будут пытаться? Или вы включите какое-нибудь программирование, как для своих клонов. А у вас есть старые фильмы, которые я уже знаю?

– Например? – сухо поинтересовался Лука, видимо он ожидал от меня другой реакции.

– Давайте подумаем, – я стал судорожно перебирать в голове фильмы, где главному герою не придётся терпеть боль и унижения и тут мне в голову пришла сумасшедшая шутливая мысль, – А порно есть у вас?

– Есть, но не в нашем кинотеатре. Такое смотрят только брюты и четаки.

– Хорошо, тогда давайте посмотрим что-нибудь про Марс или путешествия во времени...

Точно! – внезапно осенило меня, – «Машина времени» у вас есть?

– Какая именно?

– Та что по роману Герберта Уэллса, его правнуком вроде снятая. Там, по-моему, не так сильно достаётся главному герою.

– Этот?

Лука показал мне планшет. Надписей я, конечно, не разобрал, но полистав картинки, понял, что это тот самый фильм, о котором я говорил.

– Да, это он. Мой герой пусть будет Александр Хартдеген.

Лука подтвердил выбор на планшете и передал его девушке-андроиду. Она улыбнулась и пригласила меня следовать за ней. Я проследовал за ней к двери в дальнем конце комнаты.

– Встретимся после фильма, – крикнул нам вслед Лука и удалился.

Девушка усадила меня в кресло внутри маленькой кабинки, положила мои руки на подлокотники, надела мне на голову шлем виртуальной реальности и, пожелав приятного времяпровождения, наглухо закрыла дверь кабинки. Я почувствовал, как мягкие ремни обвивают мои руки, ноги и туловище. Теперь я оказался прикованным к этому креслу. Заиграла энергичная музыка, перед глазами замелькали разноцветные круги, и я очутился в виртуальном мире. Пару минут я бродил по каким-то улицам, голос за кадром что-то весело рассказывал. Как я понял, это было вроде разминки перед просмотром. Затем начался сам фильм, и я уже в образе Александра Хартдегена стал выводить мелом на доске ничего не говорящие мне формулы. Так я погрузился в мир современного марсианского кино. Я прекрасно был знаком с сюжетом одного из любимых моих фильмов, поэтому не ждал каких-либо сюрпризов и подвохов. В сюжете их и не было. Но то что я испытал в этой ничем непримечательной с виду кабинке превзошло все мои ожидания. Я почувствовал вкус губ прекрасной Эммы, мне обожгло руку, когда я пытался удержать часы, вылетающие из машины. А когда началось землетрясение и из-за тряски Алекс ударяется головой и теряет сознание, то и я на какое-то время вырубился вместе с ним. Когда фильм закончился, администратор кинотеатра (та самая девушка-андроид) открыла дверцу кабинки и помогла мне снять шлем. Пару минут я не мог пошевелить руками и ногами, и только когда осознал, что я уже не в фильме, попытался встать. Пристёгивающие ремни незаметно для меня исчезли, но подняться с места всё равно оказалось сложно. Администратор помогла мне выйти из кабинки. У меня кружилась голова и я еле передвигал ноги, чтобы не упасть. Андроид под ручку вывела меня в коридор и усадила на диван. Тут меня уже поджидал Лука.

– Это с непривычки. Тем более ты не подготовлен к таким представлениям, – спокойно констатировал Лука.

Администратор принесла мне стакан с прозрачной жидкостью вроде воды.

– Выпейте, станет лучше – услышал я её приятный женский голос.

Не задавая лишних вопросов, я залпом опустошил стакан с солоноватой жидкостью. Через минуту стены уже не плыли, и я хоть и с трудом и ненадолго, но уже мог фокусировать взгляд.

– Посидим минут пять и всё вернётся в норму, – невозмутимо говорил Лука, девушки рядом с ним уже не было, – Ну как ощущения?

– Очень реалистично, я в восторге! – говорить пока ещё было сложновато, – Вот уж действительно впечатлило! Не меньше поезда.

– Каждому чего-то не хватает в жизни, а кино помогает заполнить этот пробел. Это важный инструмент для сохранения психического здоровья общества.

– Ну да, – согласился я, – Любые ощущения и без вреда для здоровья, – я бегло ощупывал свои руки и грудь, – Никаких травм! – с удивлением обнаружил я, – Хотя я чувствовал боль в груди, как ударился головой, – я резко схватился за голову, но не нашёл там даже крохотной шишки.

– Это же очевидно. Тело не знает, что ему больно. Это знает только мозг, достаточно перехитрить его. На это и рассчитано кино. Ну что, продолжим экскурсию?

– Пожалуй. Я уже в полном порядке.

Мы пошли дальше по коридору. Не знаю, чем именно напоила меня девушка администратор, но это помогло, головокружение и дезориентацию как рукой сняло. Я перебирал в

уме какие бы ещё фильмы посмотреть в их волшебном кинотеатре. Ведь теперь я мог стать хоть Нео, хоть магистром Йода и даже Гэндальфом! Я вообще готов был стать завсегдатаем их кинотеатра. Тем более и администратор там довольно милая девушка, хоть и андроид. По правде говоря, если бы не её серая форма, я бы никогда не догадался, что она не человек и возможно даже пригласил бы её на свидание.

– Андроиды тоже различаются по половым признакам? – задал я давно уже назревший вопрос.

– Андроиды созданы по нашему подобию. Соответственно есть мужчины и есть женщины. Отличаются они только внешними половыми признаками, внутри они практически идентичны и на их способностях эти отличия никак не отражаются. Правда, есть ещё отличие в пакете базовых программ, чтоб одни вели себя как мужчины, а другие как женщины. Не уверен, что от этого андроиды испытывают сексуальное влечение к противоположному полу своей особи. Скорее это сделано для наших сексуальных утех.

– То есть роботы друг с другом не спят, а вы с ними полным ходом?

– Мы пришли.

Лука отворил дверь, и мы попали в комнату похожую на приёмную кинотеатра, только здесь стены украшали анимированные картинки, которые довольно часто сменялись. Вот тигр подкрадывается к своей жертве, а вот уже медведь уплетает малину с куста, а вот дельфины выпрыгивают из воды...

– Насколько мне известно, андроиды практикуют секс между собой, хоть у них и нет природной потребности в соитии, – продолжил разговор Лука, – Но она есть у других жителей Марса. Четаки, брюти и даже некоторые менахели охотно вступают в половую связь с андроидами. И вообще робосексуализм у нас считается нормальным явлением.

– Робосексуализм?! – усмехнулся я, – Надо же, вы и название этому придумали. А я-то думал, что это мы поколение извращенцев. Да-а, многому мне ещё предстоит привыкнуть.

Сама мысль заняться сексом с роботом казалось мне дикой и противоестественной. Да, у людей XXI века тоже было не мало механических секс-игрушек и кукол. Мы даже придумали роботов-проституток, правда, они не обладали интеллектом как марсианские андроиды. Но я никак не ожидал услышать что-то подобное от марсианского канцлера. А ведь они ещё считают себя высшей развитой расой!

– В наших публичных домах так же работают и андроиды. Можешь попробовать попозже, – спокойно продолжал Лука.

– Нет уж, спасибо – улыбнулся я канцлеру, с трудом сдерживая смех, – А Вы уже пробовали? Ну и как?

– Снова теряешь субординацию, – сердито заметил канцлер.

Мне представилось, как он рассказывает о субординации и своей принадлежности к высшей расе проституткам-андроидам в процессе совокупления и не смог сдержать смеха. Я дико хохотал, согнувшись пополам. Лука терпеливо ждал окончания моего неконтролируемого приступа смеха. Я пытался остановиться, но от этого смех пробирал ещё сильнее. Минут через пять мне, наконец, удалось совладать собой.

– Извините, Лука, – всё ещё всхлипывая от припадка смеха, я вытер прослезившиеся глаза, – Давайте лучше на зверей посмотрим. Мы же в зоопарке, я правильно понял?

– Правильно. Что выберем?

Словно ничего и не было, лишенный эмоций сверхчеловек подошёл к небольшому монитору на стене.

– А что есть?

– Здесь представлена практически вся земная флора и фауна за всё известное нам время существования вашей планеты.

– Мы и динозавров можем посмотреть? – спросил я, заметив в углу экрана изображение динозавров.

– Конечно! Выбираем динозавров.

Лука ткнул пальцем на то самое изображение с динозаврами, которое бросилось мне в глаза.

– В чём подвох? – несколько засомневался я, – Это виртуальная симуляция? Или же по найденным останкам вы воспроизвели их по ДНК и сейчас они в клетках?

– Они в своей естественной среде обитания. Ну что, выбираем динозавров?

– Да, всё равно. Лишь бы они там не трахали роботов. Пусть будут динозавры.

Лука выбрал на экране Юрский период, и мы вошли в дверь, что находилась в дальнем углу приёмной. Только мы шагнули за порог, перед нами предстала густая растительность. Папоротники, хвощи, хвойные и лиственные деревья простирались вдаль до бесконечности. Некоторые из них были настолько высокими, что, казалось, протыкают небо насквозь. Я сделал шаг и в густой пышной траве остался отпечаток моего ботинка. Раскрыв рот от изумления, я подставил лицо под палящие лучи яркого солнца. Но тут раздался пронзительный крик, и что-то огромное пролетело над головой, на секунду накрыв нас своей тенью.

– Что это? – от страха я присел, прикрыв голову обеими руками.

– Птеродактиль, – спокойно констатировал Лука, ничто не могло вывести его из равновесия, – А посмотри вон туда.

Я встал рядом с бесстрашным сверхчеловеком и посмотрел куда он указывал. Несколько нереально гигантских ящеров вытянув свои длиннющие шеи ели папоротник, а их огромный массивный хвост, словно геометрический луч, казалось, не имеет конца. Лука объяснил мне, что это диплодоки и они травоядны. Хотя их названия меня не особо волновали, я всё никак не мог прийти в себя от увиденного чуда. Несколько минут я неподвижно таращился на диплодоков. За это время над нами пролетели ещё пара птеродактилей. Но вот раздались тяжёлые шаги, я даже почувствовал, как от каждого шага трясётся земля под ногами. Я перестал дышать и, выпучив изумлённые глаза, смотрел в ту сторону откуда приближались шаги. Из-за деревьев выскочило огромное чудовище и, схватив кого-то гораздо меньших размеров, умчалось вдаль. По сравнению с меланхолично жующими листья диплодоками этот не казался таким уж большим, но всё равно был огромен. А как он был свиреп и проворен! Я даже не успел разглядеть его несчастную жертву. Острые, загнутые внутрь зубы несущегося на двух ногах чудовища вселяли первобытный ужас.

– А нам точно ничего не угрожает? – я с трудом выдавливал слова из пересохшего рта.

– Это очередная глупая шутка? Аллозавр не тронет нас, как и все остальные.

– Я конечно понимаю, что это какой-то фокус, просто иллюзия, но... – я зачерпнул немного воды из ручейка, что протекал рядышком – Смотри! Рука намочла, вода настоящая! – я протянул мокрую руку, демонстрируя чудеса иллюзии своему гиду, – Согласен, вы величайшие фокусники. Я впечатлён! Но может хватит уже на сегодня экскурсий?

Я резко развернулся в ту сторону откуда как мне казалось мы вошли в Юрский период. Но вместо двери я увидел метрах в пяти от себя длинного ящера из спины которого торчали здоровенные острые камни, а из хвоста острые шипы. Он лениво жевал траву, не обращая на нас никакого внимания.

– А вот и стегозавр. Прекрасен, не правда ли?

– Очень, – ответил я с сарказмом.

– Выключить голограмму, – скомандовал Лука.

В тот же миг всё исчезло, и мы остались стоять посреди пустой комнаты.

– Голограмма, конечно же! – наконец дошло до меня, – Но какая она правдоподобная!

– На Марсе нет животных, – как всегда спокойно и доходчиво объяснял Лука, – Это не эффективно и проблематично. Но каждый может завести себе абсолютно любого голографического питомца или приходить вот в такие зоопарки.

– Завораживает! – не скрывал я своего изумления и восхищения, – То есть как домашнего питомца можно завести голографическое животное?

– Да, но оно будет жить только в пределах голографической комнаты.

– Получается, можно завести себе даже ручного динозавра?

– Конечно, абсолютно любое животное, даже мифическое или созданное своим воображением.

– Ты говорил, что люди ставили иллюзорные развлечения на первый план, но вы достигли в этом компоненте просто невообразимого уровня!

– По-моему, это вполне логично. Твой разум никак не может принять один простой факт. Как бы это тебе объяснить помягче и в то же время доходчиво, – начал рассуждать Лука и умолк, видимо, подбирая нужные слова.

В это время мы вернулись в комнату с анимированными картинками на стенах. Здоровый рыжий орангутанг грыз то ли ветку, то ли кору дерева.

– Вот обезьяна! Ваш эволюционный предок, – картинка подсказала ему как лучше донести до меня мысль, – Ты же понимаешь, что ты и этот «лесной человек» это совершенно разные ступени эволюции. Ну вот и между нами примерно такая же разница.

– Ах, да! Я и позабыл, что я всего лишь канат между орангутангом и тобой.

– Сарказм и ирония здесь ни к чему. Это просто очевидный факт. Предлагаю сейчас поужинать, обсудить вопросы, которые у тебя наверняка за сегодня накопились.

На самом верхнем этаже здания столицы располагался красавец ресторан. Безусловно, это был самый роскошный, самый элегантный, самый богатый и самый люксовый ресторан из всех которые я когда-либо видел. Как я узнал позже, это был самый элитный ресторан в южном полушарии и носил гордое название «Белый король». Стены ресторана были стеклянные, чтобы посетители могли наслаждаться не только изысканными блюдами, но и великолепным видом на планету. А ещё это было единственное место на Марсе где мне удалось увидеть Марсианское небо, а не потолок. Для нас был забронирован столик. Едва мы заняли свои места, официанты-андроиды забегали как трудолюбивые муравьи, заставляя стол разными марсианскими яствами. Но я не обращал внимания на стол и разнообразие блюд, меня завораживала картина за окном. Планета и вправду казалась отсюда красной, даже небо было красновато-розового цвета. А вот вблизи Солнца оно переливалось от голубого до фиолетового, словно бы я смотрел на земной закат, но в точности наоборот.

– Столица – лучший город южного полушария, – в своей привычной властной, но в то же время спокойной манере заговорил Лука за столом, – Этот ресторан лучшее место в столице, здесь бывают только менахели. И то не все. А наш столик – это лучшее место в этом ресторане. Отсюда самый красивый вид из окна. Почти каждый день здесь ужинаю, наслаждаясь умиротворяющим видом из окна.

– Привилегия канцлера! – попытался я его подколоть, но канцлер никак не отреагировал.

Сейчас под лучами заходящего Солнца, он действительно был похож на сверхчеловека. Умный, сильный, властный, уверенный в себе... Но он совсем не казался мне счастливым. Может поэтому я до сих пор не воспринимал его как сверхчеловека.

– Посмотри в окно, – Лука мечтательно вглядывался вдаль, я последовал его примеру, – Видишь башню слева, чуть пониже нашей. Это второй город менахелей. На его крыше тоже расположен похожий ресторан, только называется он «Белая королева». Прямо перед нами один из городов-заводов. А вон внизу тянется бесконечная белая полоса. Это променад. Мы сейчас находимся на самой высокой башне в государстве. Прекрасное место!

– И название такое не скромное. «Белый король»! Мой друг Михаил назвал бы наверно «Король на белом коне», – воспоминания о лучшем друге и его любимой легендарной панк-группе заставили меня улыбнуться.

– Белые кони справа и слева от нас.

– В смысле? – не понял я сверхчеловеческого юмора.

– Я уже говорил, что поверхность Марса разделена на 64 условных квадрата. Как шахматная доска. Такая вот архитектурная задумка. Южное полушарие – это белые фигуры. Каждый город символизирует одну из шахматных фигур. Мы находимся в квадрате Е1 – место белого короля.

– А Северное государство, получается, точно такое же. Так сказать, чёрные фигуры.

– Да, вот так вот всё просто. Разумеется, это деление весьма условно. Все квадраты разного размера и сверху это совсем не похоже на шахматную доску. Да и города не выстроены точно в ряд как фигуры на доске. Это вполне логично, места под города выбирались исходя из оптимального расчёта. А вот формы городов действительно напоминают шахматные фигуры.

Так в любезной непринуждённой беседе проходил наш ужин. Хотя, говоря по правде, в основном мы молчали, любясь из окна видом ночного Марса. Желудок переваривал пищу, а ум информацию, полученную за сегодняшний весьма насыщенный день.

– Да, здорово у вас тут, – нарушил я затянувшееся молчание уже доедая десерт, – Сверх-скоростные поезда, голограммы, искусственный интеллект, вживлённые телефоны, виртуальное кино... Всё о чём только могли мечтать наши фантасты. Роботов трахаете! Это тоже, наверно, в какой-то степени показатель прогресса. Всё это очень интересно, но, видимо, даже сверхчеловек не лишен пороков.

– О каких пороках ты говоришь? – Лука продолжал смотреть в пустоту ночи, попивая чай.

– Взять к примеру этот ресторан. Почему четаки не могут здесь поужинать? – я решил больше не поднимать вопрос их половой жизни и обратил внимание на другое.

– Это низшая раса, им не место среди менахелей, – холодно отвечал канцлер.

– Получается это ваши рабы. Вы клонируете себе рабов и при этом считаете себя высококоразвитой расой.

– На Марсе нет рабов. Каждый брютти, каждый четака, каждый менахель и даже андроид прекрасно понимают своё предназначение в жизни с самого своего появления на этот свет. Мы не тратим пол жизни на поиски себя, не впадаем из-за этого в депрессию. Все граждане нашего общества довольствуются своим положением и все счастливы.

– Они довольны своим положением лишь потому, что вы их так запрограммировали ещё до их рождения.

– В этом и заключается суть порядка. Если каждый захочет быть канцлером, то кто же тогда будет работать на заводах? В отличие от вашей демократии, где каждый занят не своим делом, у нас все на своих местах. Врач занят медициной, инженер технологиями, а канцлер управлением страной. У нас самое справедливое общество! Каждый получает работу, соответствующую его квалификации и способностям. Каждый задействован там, где может принести максимум пользы.

– И как вы это определяете?

– Мы не определяем, а делаем. Например, мы знаем, что через пять лет нам потребуется 200 шахтёров. Мы просто берём и выводим чуть более двухсот шахтёров, учитывая процент брака и повреждённых.

– То есть вы зомбируете клонов быть шахтёрами. У них даже нет выбора!

– Зато у вас был выбор, и все знают к чему это привело. Полное вымирание вида и непригодность планеты для жизни. Правом выбора должны обладать только те, кто может предвидеть последствия своего выбора. Опасно предоставлять выбор неразумным существам. И даже

иллюзия выбора, как это было в вашем обществе, не может обеспечить стабильность на длительное время. Мы учли ошибки людей.

– По сути четаки – это всего лишь биологические механизмы, созданные для конкретной работы.

– И брюти тоже.

Лука так спокойно говорил об этом, словно это в порядке вещей, что приводило меня в бешенство.

– Почему тебя это так беспокоит? Большинство людей в ваше время жили точно так же. Только они не были счастливы, поэтому эмоциональные всплески приводили к неприемлемым последствиям. Власти прошлого пытались с этим бороться, придумывали всяческие способы поддержания эмоциональной стабильности в народных массах. Мы же просто искоренили эту проблему. Лучший способ решения проблемы – это не создавать её. Не делай поспешных выводов, у тебя будет возможность поближе познакомиться с устройством нашего общества.

– Допустим, – неохотно согласился я, – А что вы делаете с повреждёнными? И вообще, что это значит повреждённые? Не все клоны поддаются зомбированию?

– У некоторых клонов наблюдаются отклонения. Если отклонения выявляются на стадии зародыша, то его просто уничтожают. Но бывает, что отклонения начинают проявляться уже у взрослой особи. Такие случаи очень редки, в последние годы нам удалось свести процент повреждённых практически к нулю. И всё же он есть, поиском и выявлением таких особей занимаются органы правопорядка.

– И что их тоже уничтожают?

– Продолжительность жизни повреждённых особей, как правило, гораздо короче, уничтожать их нет необходимости. Когда таковые выявляются, мы изолируем их от общества, изучаем, пытаемся исправить ошибки.

– А если отклонения выявляются у менахеля? Их тоже изолируют органы правопорядка?

– Органы правопорядка занимаются повреждёнными среди брюти и четаков. Менахели не в компетенции низших рас. Процент отклонений среди менахелей ничтожно мал, таких случаев практически не бывает. Но если даже случаются повреждения у взрослых менахелей, это обнаружить крайне сложно, так как они могут это весьма умело скрывать. Повреждённый не значит ущербный, внешне зачастую это никак не отражается. Если и случаются отклонения у взрослых клонов, то это умственные либо психические. Выявлением повреждённых менахелей мы занимаемся сами.

– Даже не буду спрашивать, что вы с ними делаете.

– Ничего особенного, – едва заметно улыбнулся Лука.

Мы допили чай и молча смотрели в окно. Я пытался разглядеть другие города, но видел лишь их слабые огоньки вдалеке.

– Уже поздно, а у нас остались ещё кое-какие дела, – выдохнув, отвлёкся от ночного вида канцлер.

Лука не спеша приподнялся со своего места и направился к выходу, я поспешил последовать за ним.

– А платить за ужин канцлеру не надо? – прошептал я ему под ухо, догоняя сзади.

– Платить? – Лука, видимо, не сразу понял о чём я, – Ах, ты про денежный расчёт! – дошло до него, – У нас не используются деньги. Нам они не нужны, нам нужны ресурсы.

– Ресурсы... – повторил я за ним, не совсем понимая, что он имеет в виду.

Но канцлер не стал дальше объяснять, наверно, посчитав, что дал исчерпывающий ответ, а я не стал дальше допытываться. После ресторана мы спустились на лифте. Теперь я точно знал, что мы спускаемся, ведь выше было уже некуда. Но мне никак не удавалось определить количество этажей. На сколько этажей мы поднимаемся, опускаемся, даже само движение лифта было не ощутимым.

– Это будет твоей комнатой на какое-то время.

Лука привёл меня в небольшую, но достаточно уютную комнату. На минимальной площади в моём новом жилище располагалось всё самое необходимое: кровать, маленький письменный столик, стул и тумбочка.

– Здесь ты можешь отдохнуть. Дверь справа, – Лука прикоснулся к еле заметной на фоне стены дверце, которую я до этого даже не заметил, и она бесшумно ушла внутрь стены, – Это гигиеническая комната. Там на столике каждое утро будет лежать чистая одежда и обувь, грязную бросай в урну под столиком.

Я проследовал в гигиеническую комнату. Вот столик, о котором говорит Лука, вот урна под ним, вот душевая кабинка, а вот унитаз... Всё достаточно понятно, легко разобраться. Я вернулся в спальную комнату. Канцлер стоял возле кровати и в руках держал металлический пистолет с тонкой острой иглой на конце.

– Садись на кровать и сними верх, не бойся, – повелел канцлер.

Естественно, в подобной ситуации мной овладели сомнения и даже страх, но сопротивляться в данном случае было бы бесполезно и глупо. Поэтому я собрал всю свою волю в кулак. Стараясь казаться спокойным, я снял рубашку и сел на краешек кровати. Своим шприцом-пистолетом он больно уколол меня в правое плечо.

– Немного больно, – констатировал Лука, вытаскивая иглу из моей руки, – Я ввёл сразу два чипа. Коммуникационный и кодированный нейрочип. Коммуникационный чип это то, что ты назвал вживлённым телефоном. А кодированный нейрочип поможет тебе передвигаться по Марсу. Этот код определяет доступные тебе ресурсы. Не буду рассказывать, как это всё работает, завтра сам разберёшься. Сейчас я хотел бы заняться другими, более важными делами.

Лука достал из карманов две металлические присоски и белую продолговатую пилюлю.

– Что это?

– Я показал тебе наш мир, теперь ты мне покажешь свой. Эта пилюля введёт тебя в состояние похожее на гипнотический сон. Ты погрузишься в свои воспоминания, увидишь всё как сон. В отличие от гипноза ты будешь помнить всё, что увидишь во время такого сна. Эти присоски я закреплю у тебя на висках. Это ретрансляторы. Так я смогу видеть то, что видишь ты.

– Как бы читаете мои мысли?

– Не совсем верная формулировка, но суть ты уловил правильно.

– А если я не хочу раскрывать свои мысли? Мало ли что у меня в голове! – возмутился я от такого предложения, не приятно, когда кто-то изъявляет желание покопаться у тебя в душе.

– Во-первых, у тебя просто нет выбора. А во-вторых, я просто хочу увидеть твои воспоминания, прежде всего меня интересует детство.

Лука протянул мне таблетку, и я вынужден был её проглотить. После этого он прицепил мне на виски холодные металлические присоски- ретрансляторы.

– Ложись спать. Думай о своём детстве. Как проснёшься, можешь снять ретрансляторы.

Канцлер вышел из комнаты. За всё время, проведённое на Марсе я, наконец, остался в одиночестве, о котором так мечтал. Растянувшись на кровати, я закрыл глаза и пытался ни о чём не думать. Не хотел, чтобы кто-то видел мои мысли. Я чувствовал на висках металлический холод от присосок. Холодок постепенно распространялся, и вот уже мой череп сдавило ледяным кольцом. Веки становились свинцовыми. Я попытался открыть глаза, но у меня ничего не вышло. «Думай о детстве...» я услышал словно из потустороннего мира. Я вспомнил бабушку, наш маленький деревянный домик в деревне, речку, что текла неподалёку от дома, зелёные луга... Приятные детские воспоминания уносили меня отсюда, словно быстрый весенний ручеёк уносит бумажный кораблик. Моё сознание, подобно тем корабликам, что я так любил пускать будучи ребёнком, стремительно понеслось по течению времени, то притормаживая, цепляясь за веточки реальности, то ускоряясь под порывом ветра воспоминаний.

Глава 5. Воспоминания о былой любви

Я стремительно лечу вверх. Тёплые потоки воздуха мягко касаются моего лица, приятно обдувают волосы. Даже с закрытыми глазами я вижу огненный шар Солнца в ясном небе, каждой своей клеточкой ощущаю прикосновение небесных лучинок. Запах цветущих кругом растений дурманит. Я набрал полные лёгкие насыщенного кислородом и ароматом трав воздуха и не спешил выдыхать. Мне казалось, что я могу почувствовать неповторимый запах каждой травинки, каждого листика, каждого цветочка живущего здесь. На какое-то волшебное мгновение время замерло. Наполненный ароматами цветущего мира и согретый его нескончаемым теплом, я, подобно воздушному шару, на один фантастический миг завис в воздухе, а после стремительно полетел вниз. Открыв глаза, я сквозь слезинки радости увидел как снова взлетаю, но только на сей раз в противоположном направлении. Земля стремительно удалялась от меня вместе с родителями, которые стояли по обе стороны качели. Вот я, уже вытянув ноги вперёд, лихо несусь обратно вниз. Внизу живота защекотало, и я звонко рассмеялся. Родители, видя своё счастливое дитя, тоже весело засмеялись вместе со мной.

– Держись крепче! – сквозь смех выкрикнул отец и продолжал раскачивать качели.

Этот жаркий июльский день остался в моей памяти как одно из самых ярких и счастливых воспоминаний.

– Надень кепку, голову напечёт, – беспокоилась обо мне мама.

Отец взял меня с качели на руки и крепко прижал к себе.

– Не напечёт! Солнышко нас любит и не обидит. Правда, сынок?

Мы вместе посмотрели на лучезарное Солнце, и я от переполняемых чувств обнял отца за шею изо всех своих крохотных сил.

– Знаешь, что означает наша фамилия? – спросил у меня тогда папа.

Я ослабил свою хватку и отрицательно замотал головой из стороны в сторону.

– Санд Ра значит сын Солнца. Так что мы с тобой сыновья Солнца, – весело потрепал он меня по голове.

– А мама?

– А мама не сын, – хитро заулыбался отец, – Она дочь, – добавил он после паузы.

Мы дружно засмеялись. Отец был выдумщиком и шутником. Я не помню его грустным или унывающим. Он всегда придумывал для меня всякие игры, вырезал из дерева фигурки животных, сочинял смешные и в то же время поучительные истории...

А вот я мчусь на велосипеде. Совсем недавно я научился ездить на двух колёсах и теперь летел наперегонки с ветром. Я чувствовал себя самым быстрым в мире. Я нёсся как угорелый, лихо огибая все препятствия на своём пути. Ветер в ушах, адреналин в крови и вот я распластался посреди дороги. Велосипед, на что-то наскочив, отлетел в сторону, а я с распростирытыми руками прилетел в объятия беспощадного асфальта. Уже через секунду ко мне подлетела перепуганная до смерти матушка и подняла меня с дороги. Лишь в тот миг, когда я почувствовал прикосновение нежных любящих рук матери, я вспомнил про боль от падения и громко разревелся.

– Не плачь, моё солнышко. Сейчас всё пройдёт и совсем не больно, – приговаривала мама, стряхивая с меня пыль и грязь, но я ревел только ещё громче, – Сильно болит?

– Да-а, – ревел я в ответ.

Слёзы вперемешку с соплями затекали мне в рот, я вытерся рукавом, чтоб избавиться от солёного привкуса во рту. Локти, колени и левая щека были разодраны до крови. Неподалёку валялся мой велосипед, а прямо перед собой я увидел камень размером с мой кулак. Почему-то именно этот камешек показался мне виновником моей аварии и я, вырвавшись из рук матери, со всей злости пнул его. Камень отлетел далеко в сторону.

– Почему ты это сделал? – ласково поинтересовалась мама.

– Это он виноват, что я упал, – сердито отвечал я, обиженно повесив голову и вытирая остатки слёз на лице.

– Разве? – с нотками испуга и удивления вопрошала она, – Он сам набросился на тебя?

Мама добрыми любящими глазами смотрела на меня, продолжая изображать изумление. Я не знал что ей ответить и просто смотрел на неё исподлобья.

– Солнышко, нельзя обижаться на камешек. Ты же мужчина, не хорошо вину на других перекладывать, – она бережно взяла меня за руку, – Пойдём домой, раны твои залечим, чтоб больно не было.

Удивительной доброты человеком была моя матушка. Она никогда меня не ругала за мои шалости и проступки. Никогда не наказывала меня за ошибки, а даже наоборот всячески помогала мне их исправить.

– Земля – матушка наша, – тихим ласковым голосом продолжала свою воспитательную беседу мама, ведя меня домой. Одной рукой она вела за руку меня, а другой придерживала мой велосипед, – А если бы в меня врезался, тоже так ногой ударил бы?

Вопрос мамы ввёл меня в замешательство. Моё детское живое воображение мигом нарисовало картину, как я на полном ходу в неё врезаюсь. Но разве я смог бы ударить эту добрейшую прекраснейшую женщину, которая в моих глазах была божеством.

– Не-е-ет, – снова разревелся я и прильнул к её юбке, размазывая свои слёзы и сопли.

Мои родители! Это был самый счастливый период в моей жизни. Период беззаботного детства, когда мама и папа были ещё живы. Отец дарил нам радость, уверенность, придавал нам силы. А мама была олицетворением добра и любви. Она учила меня быть счастливым и радоваться жизни. Может, проживи она чуточку подольше я и научился бы этому. До самой их смерти окружающий мир казался мне добрым и сказочным. Сказка оборвалась внезапно, именно в тот момент, когда я совершенно не был к этому готов. Да и как можно быть готовым к гибели родителей, тем более будучи ребёнком. В тот страшный день дядя Абсей, младший брат моего отца, повёз моих родителей в детский магазин. Они должны были выбрать кровать для моей будущей сестрёнки, которую мать уже носила под своим большим добрым сердцем. Не помню почему, но меня с собой не взяли, оставили дома с бабушкой. По пути их автомобиль попал под грузовик, выжить не удалось никому. Тогда я впервые серьёзно задумался о жестокости и несправедливости этого мира.

Бабушка забрала меня к себе в деревню. Эта авария забрала у неё обеих сыновей, невестку, которую она полюбила как родную дочь, и не успевшую ещё родиться внучку. Но бабушка была очень сильным человеком, она никогда не показывала ни мне ни кому-либо ещё своей скорби. Она незримо для меня переносила душевные терзания и муки. Дед мой, её муж, покинул наш мир ещё до моего рождения, а мама у меня была сиротой, выросшей в детском доме. Таким образом у нас с бабушкой не оставалось больше родственников во всём белом свете. Худошавая старушка и восьмилетний мальчик стали опорой друг для друга. Жили мы с бабулей в маленьком бревенчатом деревенском домике, в котором выросли мой папа и дядя Абсей.

Как только я переехал в деревню у меня начались проблемы в школе. Точнее они у меня были и до этого, но мама и папа всегда могли объяснить мне то, чего я не понимал на уроках. Моё воспитание и видение мира в корне отличалось от того, что было принято в нашем капиталистическом обществе. Я сильно отличался от других, а таких как я не очень любят многие дети и, в особенности, их родители и учителя. Со сверстниками я ещё мог хоть как-то найти общий язык, а самым твердолобым мог дать достойный отпор. Но вот со взрослыми было куда гораздо сложнее.

Никто в нашей семье никогда не ходил в церковь, мечеть или любой другой храм. Мы не придерживались современных религий. У нас было всё намного проще. Помогай нуждаю-

щимся, защищай более слабых, будь учтив со всеми и вежлив, относись ко всему с любовью и добротой. Силён не тот, кто обидел другого, а тот, кто нашёл в себе храбрости защитить справедливость и дать отпор более могущественному противнику, говорила бабушка. Если я кого-то ненароком мог обидеть, то извинялся и старался заглазить свою вину перед этим человеком. Другие же пытались самоутвердиться за счёт более слабых, а потом просили прощения у своего бога. Они воспитывались на историях о невидимом карающем Господе Боге, что с небес наблюдает за ними. А я слушал сказания о любящем Боге-Творце, частичка которого живёт в каждом из нас. Вообще я всегда любил слушать всякие истории, а особенно сказки. Мне всегда их рассказывали родители, а потом бабушка. Столько сказок, притч, мифов и легенд сколько знала моя бабушка, наверное, не знал никто. Ко всему прочему она была ещё и лучшим рассказчиком. Богатыри, змеи Горынычи, кощеи, небесные колесницы, звёздные врата... Всё что она рассказывала казалось таким реальным, как будто это были вовсе и не сказки, а правдивые истории. Впрочем, бабушка так и говорила, что всё это наша, далёкая и не очень, история. Мой любознательный детский ум допытывался до каждой мелочи, а мудрая всезнающая бабка могла мне всё разъяснить. В школе же все объяснения ограничивались лишь тем, что вот так вот надо, а вот так вот нельзя. И зачастую все мои «почему?» оставались неуслышанными педагогами.

Детское воображение придавало бабушкиным сказкам ещё больше волшебства и реалистичности. Я часто любил домысливать рассказы бабули, а она, лучезарно улыбаясь, гладила меня по голове и либо поправляла меня кое-где, либо хвалила за находчивость и смекалку. Однажды мне захотелось назвать главных героев сказки именами своих родителей. Так в моём воображении появились два ярчайших образа: храбрый и справедливый богатырь Дарен и его прекрасная мудрая жена Зарина. Бабушке понравилась моя идея, и мы с ней стали частенько придумывать новые истории, которые могли бы произойти с Дареном и Зариной.

Чем старше я становился, тем напряжённей становились отношения с учителями в школе. И это происходило вовсе не из-за того, что я был бунтарём или искателем конфликтов. Я честно и добросовестно пытался понять то, что они мне назойливо пытались навязать. Я пытался понять, почему они так уверены, что человек произошёл от обезьяны, в чём я лично очень сомневался. Почему под естественным отбором подразумевается пожирание слабых сильными, а не стремление к симбиозу и гармонии? Почему учитель литературы ставит мне плохую оценку, если моё мнение по какому-либо произведению не совпадает с общепринятым? И почему он так уверен, что автор имел в виду именно это? Почему на уроках химии нам столько говорят о химических элементах и ни слова о пространственном эфире и начальном элементе всереде? Почему на физике нам совсем ничего не рассказывают о величайшем гении изобретателе Николе Тесла, о бестопливных генераторах и других дешёвых источниках энергии? Почему они называют математику и физику точными науками, а в них столько неточностей и противоречий, которые никак не объясняются? И вообще, почему учителя так упорно и даже твердолобо отстаивают одну единственную точку зрения, даже не рассматривая другие? Ведь даже самый умный профессор, написавший лучший учебник в мире, может в чём-то да ошибаться. Не может же он быть прав во всём! Куча вопросов к нашему образованию оставались для меня без ответов. Некоторые педагоги меня откровенно ненавидели. Но самое странное, что никого кроме меня это больше не волновало. Все мои одноклассники легко принимали за правду любые слова преподавателя, а надо мной лишь насмехались. Рада, моя соседка по парте, однажды сказала: «Откуда ты это можешь знать? То что написано в учебнике доказано учёными! А то что придумал ты – полный бред и чепуха! Сам подумай. Не может же быть так, что все вокруг дураки и только ты один умный. Скорее наоборот. А если даже ты и прав, то всё равно никому ничего не докажешь и всё равно все будут считать дураком тебя». А ведь её я считал умнее остальных. Хотя может быть во многом она была и права, в обществе дураков легче живётся прикидываясь таким же дурачком, даже если ты таковым и не являешься.

Рада не просто моя одноклассница и соседка по парте. Рада – моя первая любовь, мой первый поцелуй... Безусловно, она являлась первой красавицей на селе. И жила она в доме напротив. По сравнению с нашим более чем скромным домиком у них был настоящий дворец, едва ли не самый большой дом во всей нашей деревушке. По нашим деревенским меркам их семья считалась очень богатой. У её отца был какой-то бизнес в городе и ему принадлежал самый большой магазин во всех близлежащих деревнях.

Трудно представить себе человека, который бы больше чем Рада подходил на роль моего антипода. Мы были с ней как лёд и пламя. Пламенем был, конечно же, я – фантазёр, разрушающий рамки обыденного, неутомимый искатель истины и безбашенный борец против системы. Она же пример для подражания, эталон современной девушки. Модельная внешность, огненно-рыжие волосы и холодный взгляд, всегда модно одета и ухожена. К тому же она была отличницей и всеобщей любимицей всего педагогического состава школы. Любовь и снисхождение учителей она добилась не только своим прилежным поведением и хорошими оценками, но и, естественно, деньгами отца. Отец Рады был главным спонсором нашей школы из-за чего некоторые преподаватели порой не стеснялись открыто заниматься лизоблюдством перед ней. Такое поведение педагогического состава раздражало саму Раду, и она не редко демонстрировала презрительное отношение к таким педагогам. Впрочем, все предпочитали закрывать глаза, когда Рада временами позволяла себе не соответствовать образу пай-девочки. В первый же день, когда я появился в этой школе, я занял место рядом с этой рыжей девочкой, которое оказалось не занятым. За все годы учёбы учителя не раз предпринимали попытки рассадить нас, аргументируя это тем, что я дурно на неё влияю. Но мы всё равно продолжали сидеть за одной партой, что-то нас тянуло друг к другу. К слову, её отец совсем не был против этого. Я нравился ему, как он говорил, своим неординарным мышлением и твёрдостью характера. Он очень хотел, чтобы я подружился и сблизился с его дочерью и не упускал возможности как-нибудь этому поспособствовать. Часто приглашал меня к себе в гости под разными предложениями. Позже он даже пару раз давал мне денег, чтобы я мог сводить его любимую дочь куда-нибудь на свидание, но я не брал их. В общем, хороший был мужчина, единственный кто меня поддерживал, ну кроме бабушки, естественно. Все остальные были против нашей с Радой дружбы. И поначалу даже мы сами. Мы часто с ней спорили по любому поводу, а иногда и без повода, но продолжали сидеть за одной партой и вместе ходить в школу. Полная моя противоположность, мы обожали и ненавидели друг друга. Наверно поэтому в старших классах нас страстно и неудержимо влекло друг к другу.

В старших классах я изменился. Перестал доставать учителей, оценки мои стали лучше. Говорили, что я повзрослел, взялся за ум. На самом же деле я ничуть не изменился, а просто научился притворяться. Я понял, наконец, в чём проблема нашего образования и перестал мучать учителей. Педагоги придерживаются единственной точки зрения не потому что у них не имеется других, а потому что её нет вообще. Учитель не имеет своего мнения, он просто навязывает нам то, что написано в учебнике. Если завтра решат, что дважды два будет пять, то уже послезавтра тот же самый педагог, который ещё недавно с пеной у рта кричал, что это бред, начнёт доказывать тебе что это единственная неоспоримая истина. Да и откуда у бедного преподавателя может быть своё собственное мнение? Посудите сами, вот вам краткая информация о некоторых моих школьных учителях. Учительница музыки не умела играть ни на одном музыкальном инструменте, и была знакома лишь с отечественной поп-музыкой и то времён её далёкой молодости. Учительница литературы за всю свою жизнь не сумела написать даже крохотный рассказик или стихотворение собственного сочинения. Учитель физики без помощи электрика не мог установить даже элементарный выключатель у себя дома. Биолог никогда не наблюдал за жизнью растений и животных в природе, в их естественной среде обитания. Географ никогда не путешествовал. Учительница иностранного языка ни разу не удосужилась пообщаться с носителем этого самого языка. Этот список можно продолжать

очень долго, но суть уже ясна. Проблема в том, что их знания ограничены теорией книг, но никак не добыты своим собственным опытом. Поэтому на уроках они сыплют знаниями из учебников, но совершенно не могут научить как же пользоваться этими самыми знаниями в реальной повседневной жизни. Осознав это, мне стало даже немного жаль своих преподавателей, поэтому я научился искусно притворяться, чтобы в их затуманенных лживыми псевдонаучными теориями глазах выглядеть таким как все. Лишь рядом с бабушкой я мог оставаться самим собой и по-прежнему был в восторге от её рассказов. Удивительно, но даже через столько лет она умудрялась продолжать радовать меня всё новыми и новыми историями. Их запас у неё был поистине неисчерпаем.

После окончания школы все мои одноклассники, или как называл нас директор школы «деревянная молодежь», разбежались кто куда. Из всех в деревне остался только я один, так как меня не привлекала суета большого города. Шумным перенаселённым городам я предпочитал уединение. Мне всегда нравилось в деревне. Тихо, спокойно, никакой суеты. И всегда можно в лесу прогуляться или сходить на речку. К тому же в последнее время бабушка часто стала болеть. Я не хотел её оставлять одну и очень боялся потерять единственного родного человека.

Рада никогда не любила деревенскую жизнь. Её всегда привлекал пафос больших городов и манила попсово-гламурная жизнь. Она окончила школу с золотой медалью и сразу же рванула в город поступать в университет. Мы оба знали, что у нас совершенно разные приоритеты в жизни и прекрасно понимали, что наши отношения обречены. Поэтому наше расставание стало для нас событием ожидаемым, и никто по этому поводу особо не переживал. Ну лично я совсем не переживал.

В моей жизни настал период свободы и умиротворения. Наконец, я избавился от идиотизма образовательной системы и даже не помышлял о продолжении обучения где-то ещё. Хотя отец Рады настаивал, чтобы я поступил в какой-нибудь технический ВУЗ, зная о моём увлечении компьютерами и техникой, и даже обещал помочь с поступлением. Но кроме того что я не хотел учиться, я ещё и не хотел злоупотреблять щедростью нашего великодушного соседа. Лет в 12-13 я стал увлекаться программированием и вот уже последние пару лет подзарабатывал написанием всяческих приложений для смартфонов и разработкой веб-сайтов. Деньги это занятие приносило не большие, но нам с бабушкой вполне хватало. Моё хобби приносило доход, ещё оставалась куча времени помогать бабушке по хозяйству. Когда я хотел немного развеяться и сменить обстановку, то на пару-тройку дней уезжал в город. Но надолго бабулю одну я не оставлял. Моя бабушка была для меня лучшим собеседником. Мы говорили с ней о мироздании, о месте человека в этом мире, о других мирах, других измерениях и, конечно, жизненном пути человека. Видимо, мой жизненный путь – это дорога приключений и нескончаемых скитаний. Не долго длилась моя счастливая жизнь. Безмятежный период спокойствия оказался лишь затишьем перед бурей перемен. Причём бурей конкретной, которая унесла в бездну вечного времени всю мою прожитую жизнь, оставив меня ни с чем.

А ведь ничего не предвещало глобальных перемен. Это был обычный будничный день. Вот только с самого утра чувство тревоги не покидало. Я попытался с головой уйти в работу, но не мог ни на чём сосредоточиться. Бабуля вела себя как обычно, но я чувствовал что что-то не так, вот только не мог понять что и унять свою тревогу. Вечером она легла пораньше, так как не очень хорошо себя чувствовала. Я сидел рядом с её кроватью и мы, как в детстве, придумывали новые истории о богатыре дарящем мир Дарене и озирающей его путь Зарине. Бабушка глухо закашляла и попросила воды. Я принёс стакан воды, но ей он уже не понадобился. Моя любимая бабуля тихо спала вечным сном, а на её морщинистом лице застыла добрая улыбка.

Беда не приходит одна, говорят в народе. Через несколько дней после смерти бабушки объявилась какая-то стервозная особа, назвалась бывшей супругой дяди Абсея и заявила свои права на наш домик. До этого дня я даже не знал, что дядя Абсей вообще был когда-то женат. Для меня появление его жёнушки в нашем доме оказалось большой неожиданностью. А вот

эта стервозная мразь подготовилась к данному событию заблаговременно и основательно. Она даже пришла не одна. С ней был адвокат, такой же омерзительный тип, как и его клиентка, а скорее всего по совместительству и любовница. Этих кровососов вряд ли интересовало наше ветхое жильё, а вот участок, конечно, представлял ценность. Кончина бабушки оказалась для меня очень тяжёлым ударом судьбы. Бороться с прислужниками сатаны, что хотели отнять у меня единственное что оставалось от бабушки, на тот момент не было ни сил, ни желания. А потом, когда я отошёл от скорби, было уже поздно что-либо предпринимать. Так в 18 лет я оказался на улице. Чтобы ничего не напоминало мне о смерти бабушки и проделках этих сатанистов, я уехал в город, в котором когда-то родился и рос до восьми лет. Это стало ещё одним переломным моментом, кардинально изменившим ход моей жизни. Теперь я стал одиноким скитальцем и решил никогда не обзаводиться семьёй. В деревню я так больше ни разу и не приехал. Я хранил светлую память о своей любимой бабуле в своём сердце, но хотел напрочь забыть всё, что меня связывало с прошлым. Я не просто уехал навсегда из деревни, но и поменял все свои контактные данные, чтобы с чистого листа начать новую жизнь. Ничто больше не напоминало мне о прошлом. Кроме, пожалуй, одного случая, когда я в супермаркете случайно встретил Раду.

Это было самое начало весны. Начало весны не по календарю, а по погоде. То время, когда суровая зима уже как бы отступила, а весна пока ещё не торопилась вступать в полноправное царствование. Большинство людей уже скинуло с себя тяжёлое зимнее одеяние и переделось в более лёгкие весенние наряды. Вот и Рада стояла в лёгком светлом коротеньком пальто возле молочного отдела и что-то спешно выбирала. Я заприметил её первым и тихо подошёл к ней сзади. Ещё издали я уловил в воздухе лёгкие нотки магнолии и орхидеи и конечно же сразу узнал по ним её любимый парфюм. Это были духи «J'adore Dior», которые она, по неизвестным мне причинам, называла «жидким золотом». Этот аромат подчёркивал её чувственную красоту и благородную женственность. Высокие каблуки, чёрные колготки и коротенькая миниюбка, которая опускалась лишь на пару сантиметров ниже пальто, подчёркивали красоту и стройность её ног. Честно признаюсь, я был счастлив увидеть её. Этот миг отпечатался в моей памяти в мельчайших подробностях. Я даже помню музыку, что играла в моих наушниках в тот момент. Это была песня «The Concept» в исполнении потрясающей женщины Долорес О'Риордан! Лирическая композиция группы «The Cranberries» словно придавала некую загадочную романтичность этой внезапной встрече. Я с минуты полюбовался изящной фигурой Рады. Затем вытащил наушники из ушей и, не скрывая своей радости от неожиданной, а от этого ставшей ещё более приятной, встречи, заигрывая протянул:

– Пожалуй, сегодня из этого магазина я возьму только вот эту девушку!

Она замерла на секунду, затем осторожно повернула голову, чтобы испепелить взглядом наглеца, что позволил себе отпускать глупые шуточки в её сторону. Но тут она увидела, что дерзко пристающий наглец это я и её надутые от злости розовые губки расплылись в пленительной улыбке, обнажив белоснежные ровные зубы, а глазки ликующе заблестели.

– Аркаим!!! – радостно воскликнула она чуть ли не на весь магазин и повисла у меня на шее.

Я сдержанно приобнял её за талию, но не потому что хотел оттолкнуть, а только лишь для того чтобы быть скромнее в общественном месте. Вообще я никогда не любил показывать на людях свои эмоции, а молочный отдел в супермаркете уж тем более не был для этого подходящим местом.

– Как ты? Очень рада тебя видеть! – пропела она мне в ухо и сделала шаг назад, чтобы лучше разглядеть меня, – Почти совсем не изменился, – заключила она, за секунду оглядев меня с ног до головы.

– Да и ты всё так же блистательно выглядишь, – не удержался я от комплимента, – Только волосы светлее стали.

Свои огненно-яркие волосы она перекрасила в более светлый оттенок рыжего, но от этого не стала менее прекрасной и привлекательной.

– Ага, – Рада смущённо поправила причёску, – Слушай, я сейчас очень тороплюсь, опаздываю ужасно... – начала она извиняющимся тоном, но до того как я успел открыть рот, видимо, успела найти какое-то компромиссное решение и вновь засияв улыбкой продолжила, – Ты где-то рядом здесь живёшь? Я могла бы тебя подвезти, заодно и поболтали бы. Так здорово, что мы встретились!

Где бы я не находился, я всегда мог сказать, что нахожусь рядом с домом, потому что дома у меня не было. В этом и заключается преимущество бродяги, где иду там и дорога, куда приду там и дом. Я с удовольствием принял предложение Рады, ведь мы не виделись с ней с самого окончания школы. Как бы я не хотел оборвать все нити, ведущие к прошлому, увидев её я не мог устоять перед соблазном провести с ней хоть немного времени. Я помог ей донести пакеты с продуктами до машины, разместил их в багажнике, а сам удобно устроился на пассажирском сидении рядом с водителем.

– Так куда тебе? – поинтересовался мой прекрасный водитель, пристёгивая ремень безопасности.

– Да я никуда не тороплюсь, езжай куда тебе надо, а я потом где-нибудь останусь.

– Тогда поедem сразу в садик, я уже опаздываю.

Всю дорогу мы весело и беззаботно болтали, как в старые добрые друзья. Говорила в основном Рада, а я внимательно слушал. Она рассказывала обо всём без умолку. Я узнал, что она после окончания школы поступила в университет, папа купил ей здесь квартиру и машину, она вышла замуж и уже через год успела развестись. Теперь она одна растит дочку, которую она назвала Вероникой и за которой мы сейчас ехали детский садик. Я ждал в машине, пока Рада ходила за дочкой, и мы уже втроём поехали в сторону их дома. Вероника оказалась милой, приятной и очень общительной девочкой лет четырёх-пяти, донельзя похожей на свою красавицу мать. Если бы я встретил её где-нибудь на улице одну, то сразу же догадался бы чей это ребёнок.

– Может зайдёшь на чашку чая? – как бы между прочим предложила Рада, паркуя машину у своего дома.

– Даже не знаю. А как же Ника? Не будет против? – я повернулся лицом к заднему сиденью где сидела девочка.

– Не буду, – пролепетала маленькая Рада, – Я покажу тебе свои рисунки.

– Ну же! Соглашайся уже! – с поддельным негодованием вмешалась уже взрослая Рада, игриво подтолкнув меня в плечо, – Тем более ты совсем ничего не рассказал о себе, а мне очень хочется послушать.

– Так мне особо и нечего рассказывать, – замялся я.

– Так уж и нечего? – Рада, хитро прищурившись, посмотрела на меня.

Естественно, я не смог устоять под её чарующим взглядом и через мгновение мы уже втроём сидели у неё на кухне, словно молодая семья за ужином. После, уложив Веронику спать, мы чуть ли не до полуночи болтали обо всякой ерунде. Рада потягивала винишко, я же довольствовался чаем, так как не употреблял спиртное. Вообще ни мои родители, ни, уж тем более, бабушка никогда не употребляли алкоголя. В нашей семье он не пользовался популярностью даже в праздники. Меня спиртное тоже совсем не привлекало. Правда, будучи подростком я как-то нахлестался с пацанами водки с пивом и, вернувшись домой, заблевал всю постель. После чего меня ещё несколько дней выворачивало от одного только запаха спирта. Чувство стыда перед бабушкой и сильное отравление убили тогда во мне начинающего алкоголика, чему я несказанно рад.

Так мы сидели и вспоминали школьные годы, хоть я и предпочитал не ворошить прошлое. Рада рассказывала о себе и наших общих знакомых, всё расспрашивала обо мне. Я не

очень люблю рассказывать о себе другим людям. Раскрываясь человеку, ты подпускаешь его слишком близко к себе, я же старался держаться от людей на определённом расстоянии. Сближаясь с человеком ты узнаешь также и его недостатки, а он твой. А человек так устроен, что ни за что не захочет исправлять свои недостатки, но требует, чтобы это делали другие. Любите меня таким какой я есть, а все кто меня окружает становитесь такими какими хочу видеть вас я! Так думает практически каждый в нашем психически нездоровом обществе. Большое проявление эгоизма. Все считают себя умными и правильными, никто не хочет признавать какой он в сущности дурак и конченный мерзавец. Чтобы избежать подобного я никогда не лез к людям с расспросами о личном и не любил когда меня спрашивали. Как однажды подметил Юрий, брат Михаила: «Вот что мне нравится в Аркаиме, так это то, что он никогда не задаёт дурацких вопросов, которые его не касаются». Руководствуясь этой логикой, я и с Радой не особо откровенничал. Лишь сказал ей, что занимаюсь разработкой сайтов (хотя на самом деле уже давным-давно забросил это дело), помогаю друзьям в автосервисе и веду беззаботную холостяцкую жизнь.

Спустя какое-то время вино сделало своё дело. Пары алкоголя затуманили стеснительность и робость, придав Раде смелости и решительности. Она поцеловала меня сначала в щёчку, а затем сразу же в губы. Не скажу, что в этот момент вспыхнули былые чувства или что за шесть лет наша любовь несколько не остыла. Конечно же, это не так. По большому счёту настоящей чистой любви между нами никогда и не было, лишь безудержная животная страсть, которой мы предались этой ночью. За эти годы разлуки Рада ничуть не утратила в стройности и привлекательности, скорее, наоборот, она стала ещё более сексапильной. Это была уже не неопытная глупая девочка, а раскованная зрелая женщина, прекрасно знающая свои преимущества и умеющая ими пользоваться.

Утром я проснулся от топота ног по квартире. Открыв глаза я увидел, что Рада уже собирается куда-то уходить.

– Не стала тебя рано будить, – затараторила она, увидев в зеркале, пред которым она прихорашивалась для выхода, что я проснулся, – Можешь оставаться. Я отведу Нику в садик, а потом на работу. Постараюсь сегодня пораньше быть дома.

Она полюбовалась на своё отражение в зеркале и, убедившись, что всё в полном порядке, поспешила к двери.

– Ну, пока! Не скучай! – помахала она ручкой на прощание.

– Пока... – протянул я сонным голосом.

Едва захлопнулась входная дверь, я тут же снова отрубился. Далеко не всегда удавалось мне выспаться как следует. А сон в комфортных условиях и вовсе был для меня роскошью, которую я весьма редко мог себе позволить. Здесь на огромной кровати с мягким матрасом, чистым бельём и под тёплым одеялом я просто не мог бороться со сном, тем более после такой бурной бессонной ночи. Блаженным крепким сном я проспал половину дня. А вечером, как и обещала, Рада вернулась пораньше. Но по её суетливому поведению я понял, что она не со всеми делами закончила.

– Что суетливая такая? – спросил я прямо, чтобы и ей не пришлось вилять вокруг да около.

– Тут такое дело... – виновато начала она, и я смекнул, что ей от меня что-то надо.

– Да говори прямо в чём дело!

– Короче, сегодня у подруги день рождения. И так получилось, что мне Нику не с кем оставить, – она присела на стул, сжав ладони между колен, и жалобно посмотрела на меня.

– Вообще не проблема. Я могу посидеть, только если ты не слишком поздно вернёшься.

Планов на вечер у меня не было, поэтому я с радостью предложил свою помощь.

– Ну очень рано тоже не получится, завтра же суббота... – с фальшивой робостью возразила Рада и прикусила нижнюю губу.

- Только учитывай, что я ждать не буду. Лягу спать, как Ника заснёт.
- Спасибо, Аркаим, ты настоящий друг!!!

Она повисла у меня на шее и расцеловала всё лицо в знак благодарности. Вечером мы остались вдвоём с Вероникой. Ника оказалась очень воспитанной и учтивой девочкой, прямо такая маленькая аристократка, поэтому проблем у нас не возникло. Она сидела перед телевизором смотрела мультфильмы, я решил составить компанию. Мультфильм показался мне довольно странным и непонятным, я никак не мог вникнуть в его суть. Ника же смотрела с неподдельным интересом, и я решил, что она поможет мне разобраться с тем, что происходит на экране.

- А про что этот мультик?
- Про волшебниц, – пробубнила девочка.
- Про волшебниц! – восторженно повторил я за ней, пытаюсь придать этому слову больше значения, – А что они делают?
- Они помогают другим с помощью магии, – объясняла мне маленькая Рада, не отрываясь от телевизора.

- А у тебя есть магия? – продолжал я донимать ребёнка.
- У меня нет, – с досадой выдохнула девочка и, наконец, перевела взгляд с экрана на меня, – На самом деле магии не существует и волшебниц не бывает.

Было видно, что подобный факт очень расстраивает дитя, которое искренне желает верить в чудеса. Мне стало как-то грустно от того, что даже маленький ребёнок перестаёт верить в чудеса и сказочность мира. И тут я решил как-то приободрить её.

– Скажу тебе по секрету, Вероника. Волшебство существует! В мире полным-полно всяких волшебников, чародеев и даже различных магических существ, – заговорщицким шёпотом говорил я.

- Обманывать не хорошо! – с аристократичной педантичностью заявила маленькая леди.
- Я и не обманываю вовсе.
- И сколько волшебников ты знаешь? – на её лице застыла гримаса сомнения, но теперь это была уже не скептическая аристократка, в ней проснулся любознательный ребёнок.
- Ну, много. Вообще, каждый может стать волшебником! – заявил я без тени сомнений.
- И даже я? – воодушевилась девочка.
- Конечно! Если ты добрая девочка и веришь в волшебство.
- Я-то верю, а вот мама не верит, – грустно протянула она, – Да и никто из взрослых не верит.

- Они просто не встречали волшебников, оттого и не верят.
- А ты встречал?
- Никому не говори, но я вообще-то тоже волшебник. Правда, не самый могущественный, но всё же...

- И что ты можешь? Ты можешь летать? – воодушевлённый близостью сказки ребёнок аж подпрыгнул на диване, – А меня научишь летать? Я тоже хочу быть волшебницей!
- Летать я пока ещё не умею. А давай вместе будем учиться!

Я поднял Нику на руки и стал кружить вместе с ней по всей квартире. Она весело смеялась, видимо, воображая, что и вправду летает. Потом мы рисовали. Вернее, она рисовала, а я восхищённо смотрел. Я никогда не умел рисовать, а вот Ника рисовать очень любила. Вспомнил как Рада в детстве тоже всё время что-нибудь рисовала, и на уроках рисования за меня рисовала тоже. После долгого рисования Ника устала, и я уложил её спать.

- Посиди со мной рядом пока я не засну, – попросила Вероника, когда я, уложив её в кровать, собрался уходить, – А вот если ты и вправду волшебник, ты можешь сделать так, чтобы желание сбылось?

- Ты и сама это можешь, ты ведь тоже волшебница. Забыла?

– Не забыла. И как это сделать? – не унималось детское любопытство.

– Нужно закрыть глаза, представить себе то что ты хочешь получить в мельчайших подробностях и сказать хочу... Ну а дальше уже говоришь то, что ты хочешь. И главное никому не рассказывать о том, что пожелала, иначе волшебство развется.

– А заклинание? Должно же быть какое-то заклинание?

– А заклинание тебе надо самой придумать. У каждого волшебника свои заклинания.

– Надо попробовать!

– Только запомни главное правило волшебников. Твои желания никому не должны навредить. Поэтому надо хорошенько подумать к чему может привести исполнение твоего желания. Бойся желаний своих, они имеют свойство сбываться, – последнее предложение я произнёс шёпотом и скорее для самого себя, чем для неё.

– Почему бойся?

– И правда почему? Просто нужно быть осторожным со своими желаниями...

Вероника уснула, а я ещё долго сидел у её кровати, погрузившись в раздумья. Ведь мы действительно рождаемся в сказочном мире и увлечённо постигаем его волшебные тайны. Но всё это лишь до определённого момента. До того самого момента, когда мы, незаметно даже для себя самих, из волшебников, постигающих тайны мироздания, превращаемся в роботов с чётко установленной программой на жизнь. А программа эта до безобразия проста: работа-дом-работа. Зарабатываем деньги, словно очки в компьютерной игре, персонажами которой мы невольно стали. Даже настроение наше определяется цветом цифр календаря. Вот такие мы «свободные люди» за которых уже решили в какие дни работать, а в какие отдыхать. А под словом отдых сами же биологические механизмы обычно подразумевают массовые акты медленного самоуничтожения. Например, такие как дружеские посиделки за рюмкой чая. А если вдруг так случится, что «робот» заболит и не сможет выполнять свою работу, то для этого существует немыслимое множество лекарств и препаратов, которые способны снять любые симптомы. Потому что некогда заниматься лечением и восстановлением своего организма. Об этом нам всё время твердят рекламы аптек и лекарств. Устраняем симптомы и работаем дальше!

Погруженный в невесёлые думы я даже не заметил, как пролетело время. Отвлёк меня звук открывающейся входной двери. На пороге стояла изрядно подвыпившая и довольно весёленькая Рада. Увидев меня, она засияла ещё больше. Ещё одна рабочая неделя была позади, она здорово повеселилась с подругами, выпила, впереди маячили долгожданные выходные, а завтра можно было, наконец-то, хорошенько выспаться и не бежать на ненавистную работу с утра пораньше. Как и любому нормальному человеку системы для полного счастья сейчас ей не хватало только хорошего секса. Как хороший друг и просто понимающий человек я, конечно же, не мог смотреть на неё равнодушно и помог заполнить это недостающее звено в цепи, что «механизмы» душегубной системы называют «отличным вечером пятницы».

Мы предавались, всецело овладевшей нами, похоти. А изрядно повеселевшая, благодаря приличной дозе алкоголя, Рада вела себя ещё более раскрепощённо, чем прошлой ночью. Это была волшебная ночь дикой страсти. И всё же кроме сексапильного тела Рады, ещё кое-что привлекло моё внимание. Это её татуировки. Ещё вчера я заметил у неё их две: надпись на левом запястье, которую я так и не сумел разборчиво прочесть, и китайский иероглиф на правом плече. Обычные в наше время татуировки, на которые я и не обратил особого внимания. Но сегодня, снимая с неё мягкую вязаную кофточку, у основания шеи я увидел ещё одну татушку. Это был глаз в треугольнике, что даже немного шокировало меня. Как человеку, воспитанному в языческих традициях, мне было бы спокойнее увидеть, например, коловрат, который вызывал у меня ассоциацию с Солнцем, ну или свастику, что являлась для меня символическим изображением нашей галактики. Но вот глаз заключённый в треугольник ассоциировался у меня только с мировым господством.

– Что это набито у тебя сзади? – спросил я с некоторым сомнением.

Не задавай вопросов, на которые не готов получить ответы! Такого принципа я всегда придерживаюсь. Однако сейчас любопытство и смутные сомнения вынудили меня нарушить это золотое правило. Я застыл в ожидании ответа.

– Это всевидящее око, – промурлыкала пьяненькая Рада.

– И что оно означает?

– Милый, – Рада повернулась ко мне лицом, – Это всего лишь прикольный рисунок. Я понимаю, что тебе больше понравился бы коловрат, но... Если тебя смущает всевидящее око, то давай будем считать, что это око Саурана.

Коварная лисичка Рада, прекрасно знала о моих увлечениях и с лёгкостью перевернула ситуацию в свою пользу. Идея с оком Саурана мне, безусловно, нравилась куда больше. Она сразу же сообразила, что своей находчивостью удовлетворила не только моё любопытство, но и эго, и, не позволив мне что-либо сказать, заняла мой рот поцелуем. Мы слились в страстном жарком поцелуе, и я тотчас забыл о дурацкой татуировке, которая, по сути, была ничего не значащей картинкой и не более того.

Выходные мы провели вместе. И все эти выходные моё внимание было поглощено процессом воспитания ребёнка. Наверно потому, что здесь взаимоотношения между родителем и ребёнком существенно отличались от тех, что были в моей семье. Конечно, я и раньше видел как воспитываются дети в обычных, так называемых, нормальных семьях. Но тут мне представилась возможность наблюдать этот процесс изнутри и даже поучаствовать в нём. Но участие моё было по большей части лишь формальным. Уже в первые часы я осознал, что совсем не гожусь на роль отца семейства. Потому что, как я понял, в «нормальной» семье отцу отводится роль скрытого тирана, который должен поощрять членов семейства за надлежащее поведение и наказывать за нарушения. Поощрения и наказания, конечно же, проявляются в денежном эквиваленте. Рада же, по всей видимости, отлично справлялась с ролью «нормальной» мамы и даже довольно неплохо замещала роль отца для Ники. Основной задачей мамы на эти выходные было заставить ребёнка выучить стихотворение на английском языке, которое задали в садике.

– Я не хочу учить этот дурацкий стих, – плакала Ника каждый раз когда мать отрывала её от любимого занятия, – Я хочу рисовать!

– Никому не нужны сейчас эти рисунки, а стих выучить надо уже к понедельнику! – была уверена в своей правоте мама.

– Не надо это мне, – продолжала реветь беспомощная девочка, подавляя в себе робкие бесполезные попытки протеста.

– Я лучше знаю, что тебе надо, а что нет! – твёрдо решила мать.

Бедной девочке никак не удавалось хорошенько запомнить эти ненавистные несколько строчек, отчего попытки Рады становились лишь напористее.

– Не позорь меня перед другими. Выучим хорошо, наденем нарядное платье, будешь у меня лучше всех, – уговаривала Рада.

Я же никак не мог понять, чем же это чудесное дитя может опозорить свою мать. Тем что не выучит стихотворение на непонятном ей чужом языке? Она могла бы стать одной из лучших в мировой живописи, но вместо этого должна будет стать такой как все. Рада прекрасная женщина и она превосходная мать. Как и подавляющее большинство родителей, что боготворят своих отпрысков, она искренне считала Веронику уникальным и самым способным ребёнком. Рада очень любила свою дочь и всегда старалась быть ей хорошей матерью. Но в этом то и заключался весь парадокс современного воспитания. Именно из-за любви к своему чаду родители делают их годными «роботами» для системы. Желая своим детям лучшего, живущие по законам системы родители, сами того не осознавая, вместо того, чтобы воспитать в ребёнке личность, начинают штамповать идентичных себе биороботов. При этом искренне считая, что это единственный путь к счастливой жизни. Но много ли счастья этот путь принёс им самим?

Я знал Раду с самого детства. Мы с ней начали дружить ещё когда мои родители были живы. В детстве она очень напоминала Веронику. Была такая же мечтательная добрая учтивая девочка. Но именно её родители из-за своей большой любви первыми стали приспособлять её к жизни в системе. А детский сад, школа и университет планомерно довели до конца процесс превращения доброй девочки в циничного биоробота. Она обожала любоваться каким-нибудь листиком дерева или цветочком, полётом стрекозы или жужжанием майского жука, а её научили любить дорогие вещи. Ей нравилось рисовать, творить, трудиться так, чтоб и другие могли получить удовольствие от созданного ею, а её научили работать и зарабатывать. Она мечтала о сказке и волшебстве, её научили мечтать об автомобиле, квартире и высокооплачиваемой работе с гибким графиком. Теперь то же самое она проделывала и со своей дочерью. И всё это происходило из-за извращённого сериалами и телепередачами представления о родительской любви, из-за внедрённого через средства массовой информации в наши глупые головы неправильного восприятия мира и расстановки жизненных приоритетов.

– Тебе не кажется, что ты слишком сурова к Нике? – спросил я Раду в спальне, уже после того как она уложила дочку спать.

– Кажется, – не довольна согласилась она, – А как иначе? Завтра ей уже надо в садике рассказывать этот чёртов стих, будь он неладен, – в сердцах выдала она.

– Подумаешь, не расскажет, что из этого? Мир не рухнет от того, что она не выучит стихотворение, – искренне не понимал я её упорства.

– Думаешь, мне не жалко её? Будь моя воля, я бы вообще выбросила этот стишок подальше и не мучала бы бедного ребёнка. Но так надо... – обречённо выдохнула Рада, она была расстроена, что ей приходится быть диктатором в глазах собственного ребёнка.

– А кому это надо? Ника плачет, ты расстроена, никому из вас это не приносит удовольствия. Зачем доводить себя до истерики, лишь бы только угодить совершенно чужим людям, которым по большому счёту наплевать и на Нику, и на тебя?

– Аркаим, – Рада прижалась головой к моей груди, словно ища во мне защитника, – Ты всегда не хотел мириться с существующими порядками. Но с этим ничего не поделаешь, так устроен наш мир, так растут все нормальные дети.

– Хорошо, что я не рос как нормальный ребёнок.

– Я знаю. Ты по-другому смотришь на мир, но далеко не все так могут. Большинству людей приходится жить так, как принято в обществе. И это вполне нормально.

– Это большое общество, – заключил я, поглаживая рукой её шелковистые приятные на ощупь волосы.

– Ты понравился Веронике. Мы могли бы и дальше жить вместе, – промурлыкала Рада, неожиданно сменив тему разговора.

– Боюсь это невозможно, – поспешил я обрубить, чтоб подобный разговор не зашёл слишком далеко, – Мы очень скоро станем ссориться из-за всякой ерунды, а потом и вовсе возненавидим друг друга. А так у нас навсегда останутся только добрые воспоминания о нас.

– Но ведь можно хотя бы попробовать, – она оторвалась от моей груди и с надеждой посмотрела мне в глаза.

– Не надо, не смотри так, – покачал я головой.

– Может ты и прав. С твоей языческой культурой и анархистическими взглядами на жизнь вряд ли вообще какая-нибудь современная девушка сможет ужиться с тобой. Но мы же можем остаться друзьями, правда?

– Знаешь, Рада, трудно дружить с человеком, на которого у тебя эрекция. Я не могу смотреть на тебя без вожделения, – честно признался я.

– Я тоже, – пролепетала она в ответ.

Мы провели ещё одну страстную и чувственную ночь, отдавая себя друг другу без остатка. Наверно, где-то в глубине души мы оба понимали, что больше никогда уже не уви-

димся. На следующее утро мы вместе отвезли Веронику в детский сад, а уже после попрощались и разошлись каждый своей дорогой. Она поехала на свою работу, а я пошёл заниматься бездельем. Мне было тоскливо на душе от расставания. Я ощущал боль внутри себя от осознания того, что, скорее всего, мы больше никогда уже не встретимся. Несмотря на всю свою преданность рекламно-киношным, лжечеловеческим идеалам, она всегда оставалась в душе очень хорошим и добрым человеком. Как бы жернова системы тесно её не сжимали, в ней до сих пор не умер полностью тот ребёнок, что любил этот мир настоящим. Я спросил себя, могли бы мы быть вместе, если бы я вырос в обычной «нормальной» семье. И думаю, что скорее всего нет. Мы оба сильные личности и каждый тянул бы одеяло на себя. Всё-таки в современных счастливых семьях кто-то из супругов обязательно должен быть ведомым. Пожалуй, такие люди как я и Рада могли бы быть вместе только в одном единственном случае. Если бы она, как и я, предпочитала бы всевидящему оку коловрат.

Глава 6. Обратная сторона Марса

Проснулся я от довольно странного и не знакомого мне чувства. Словно звенел будильник, но звенел не где-то на тумбочке рядом с кроватью, а прямо внутри меня. Ещё до конца не разлипнувшимися, после хорошего долгого сна, глазами я посмотрел на свою правую ладонь, по которой узкой световой дорожкой пробегали поочерёдно синяя и красная полоски. Не проснувшийся окончательно мозг принял это за галлюцинацию. Я испуганно вскочил с места, протёр глаза и внимательно уставился на свою ладонь недоумевающим взглядом. Так и есть, от запястья до самого кончика среднего пальца пробегала синяя дорожка, а вслед за ней сразу красная, будто кто-то водил по моей руке лазерной указкой. Наконец, я вспомнил про коммуникационный чип, о котором вчера говорил Лука, и единственным логичным поступком в этой ситуации мне показалось приложить светящуюся ладонь к уху.

– Ну наконец-то! Я разбудил тебя, Аркаим? – раздался в ухе знакомый властный голос.

– Привет, Лука! – поздоровался я с голосом из моей руки и, до конца ещё не веря в происходящее, с сомнением покосился на приложенную к уху ладонь, – Я ещё не привык к вашим технологиям, не сразу сообразил что к чему, – начал я неубедительно оправдываться как школьник, опоздавший на занятие.

– Не беда, ещё привыкнешь, – грубо оборвал Лука, – Сегодня я буду занят до самого вечера. Можешь пока погулять, ознакомиться с планетой самостоятельно. Твой нейрочип позволит тебе получить еду в любом заведении общественного питания в пределах южного полушария и пользоваться транспортными услугами. Если понадобится какая-то помощь или просто возникнут вопросы, можешь обратиться к любому менахелю. С другими расами настоятельно рекомендую не контактировать ни в коем случае. Ночью я усовершенствовал твой универсальный переводчик, теперь он работает и в обратном направлении, то есть другие тоже будут понимать всё, что ты говоришь. Вечером я выйду с тобой на связь. Вопросы есть?

– Да разберусь как-нибудь, не дурак. Поймай, а как звонить или завершить вызов?

– Просто убери руку от уха.

Голос затих. Я ещё пару раз крикнул в запястье «алло!», чтоб убедиться, что связь разорвана и собеседник меня уже не слышит и только после этого опустил руку. Ну что ж, сегодня мне предстояло заняться делом, в котором я был просто ас – бесцельно бродить по городу. Я зашёл в гигиеническую комнату, сбросил одежду и обувь в урну под столом и встал под душ. Тут не было никаких вентилях, кранов или кнопок. Я потоптался на месте, соображая, как воспользоваться этим чудом техники.

– Вода! – скомандовал я, решив, что тут может быть голосовое управление, – Начать! Старт! Душ! – перебирал я слова, которые, по моему мнению, могли бы запустить процесс мытья, но ничего не происходило.

Следовало бы спросить, как этим пользоваться, но как позвонить я тоже не знал. Я стал махать руками, на случай если здесь вдруг установлен датчик, который реагирует на движение. Но это тоже не произвело нужного эффекта. Нужно думать логически, решил я. Скорее всего всё здесь управляется программой или даже искусственным интеллектом. Чтобы не расходовать ресурсы напрасно, рациональный компьютерный разум должен выдавать воду по мере необходимости и исключительно в необходимом количестве. А значит, чтоб помыться мне необходимо начать мыться! Мысль мне показалась абсолютно логичной, и я стал растирать себе голову и тело, имитируя процесс мытья в душе. Покривлявшись некоторое время, я понял, что это занятие такое же бесполезное, как и кричать команды душе. Может просто закончилась вода или же душ работает только в определённые часы? Больше ничего путного не придумав, я в сердцах махнул рукой и уже потерял надежду помыться сегодня. Напоследок я повертелся вокруг себя, в надежде найти хоть что-нибудь что поможет мне включить душ.

И, о чудо! Я обнаружил вмонтированный в стену еле заметный микроглазок. «За мной подсматривают?» выстрелила в голове параноидальная мысль, но в тот же момент микроглазок сверкнул инфракрасным, и душевая кабинка вмиг заполнилась горячим, но не обжигающим паром. Стало как в турецкой бане. Из-под микроглазка выползла трубочка. Я поднёс к ней руку, и из трубочки выпрыснуло то ли гелем, то ли жидким мылом. Густая вязкая жидкость не имела запаха, но отлично пенилась. Я покрыл всего себя с ног до головы воздушным слоем пены, после чего снова отовсюду пошёл горячий пар, стремительно смывая с меня пену. Как только вся пена была смыта, пар стал рассеиваться. За считанные секунды весь густой пар был высосан, и меня отовсюду стало обдувать тёплым воздухом. Я заметил, что трубочка под микроглазком уже успела исчезнуть. Из душевой кабинки я вышел чистый и сухой. На столике я обнаружил точно такой же комплект одежды, что совсем недавно скинул в урну, только уже стерильно чистый.

Приличные места, где тусуется элита Марса я уже видел вчера. Но чтобы полностью проникнуться атмосферой города необходимо посетить и злачные его места. Хотя Лука и преподносит их общество как высокоразвитое и безупречное, мне оно не показалось таковым. Конечно, я был впечатлён достижениями их науки и техники, но вот как люди они совсем не показались мне безгрешными. Наверняка, у них тоже есть свои бордели, притоны, бары с дешёвым тошнотворным пойлом или что-то в этом роде. Тем более он уже упоминал о марсианских проститутках. Я уверен, что и здесь есть свои наркоманы, преступные элементы и просто люди, которые не вписываются в существующую модель системы. Не может же быть так, чтобы все были довольны действующим режимом! Пусть даже они клоны, ещё до рождения запрограммированные вести себя определённым образом, должно же быть в них и что-то своё индивидуальное. Ещё Лука говорил о «повреждённых». Интересно было бы встретить и пообщаться хотя бы с одним таким. Но где и как искать места где потенциально могут собираться так называемые отбросы системы? Это здание и соседнее слева – города менахелей. Вряд ли я в них найду что-то подобное. Если это центр, то интересующие меня места должны находиться где-то на окраине. Осталось определиться, что здесь может считаться окраиной. Если вспомнить шахматную доску и учесть, что я нахожусь в квадрате Е1 – место белого короля, то, значит, мне нужно место, где располагается пешка. И лучше всего выбрать пешку максимально удалённую от короля. Поэтому я решил, что квадрат А2 идеально подходит под место, где могло бы быть марсианское гетто. Именно этот квадрат я и решил посетить.

Я поспешил покинуть свою комнату, чуть ли не бегом дошёл до лифта. И только когда двери лифта бесшумно сомкнулись за мной, с ужасом понял, что понятия не имею как им управлять. Тут не было привычных мне кнопок. По аналогии с душевой кабиной я стал искать инфракрасный микроглазок или что-нибудь, что могло бы мне помочь. Но видел везде лишь своё бесконечное отражение в идеально отполированных чистых холодных металлических стенах зеркального куба, в котором я оказался заперт. Никакого намёка на какой-нибудь «глазок» или что-то подобное. Я стоял словно в огромном гробу из металлических зеркал, только просторном и светлом. Мной стало овладевать лёгкое беспокойство, но тут двери лифта мягко разъехались в разные стороны, и я увидел перед собой огромный светлый вестибюль. Я поспешил поскорее покинуть загадочную металлическую коробку, пока снова не оказался в ней запертым. Вестибюль, как и вчера, был заполнен менахелями и роботами. Роботы занимались своими функциями, а менахели шли кто куда, каждый по своим делам. В центре на ресепшене всей этой кутерьмой руководил уже знакомый мне Айзек. Лука рекомендовал обращаться только к менахелям, но они казались мне отталкивающе чёрствыми и высокомерными. Даже андроид Айзек на их фоне выглядел более человечным, дружелюбным и отзывчивым, к нему я и решил обратиться:

– Здравствуй, Айзек!

– Здравствуйте, Аркаим. Чем могу быть полезен? – поинтересовался он учтиво.

Айзек смотрел на меня добродушными глазами, с дружелюбной улыбкой на лице. Я снова про себя отметил, что если бы не знал, что он робот, то ни за что бы об этом не догадался.

– Ты знаешь, как меня зовут, – улыбнулся я ему в ответ.

– Конечно! Я знаю практически обо всём, что происходит в квадрате Е1, – заверил он меня, – Канцлер Лука предупредил, что Вы можете обратиться ко мне и просил Вам помочь чем сумею, – снова засиял улыбкой Айзек.

– А мне он рекомендовал обращаться за помощью только к менахелям.

– Это разумный совет, учитывая то, кем Вы являетесь на самом деле. Но канцлер Лука весьма мудр! Он предвидел, что Вы обратитесь именно ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.